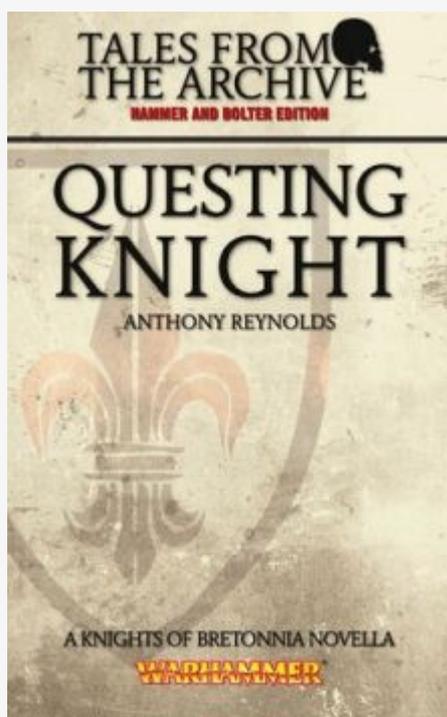

Рыцарь в поиске / Questing Knight (повесть)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Рыцарь в поиске / Questing Knight
(повесть)

Автор	Энтони Рейнольдс / Anthony Reynolds
Переводчик	Akmir
Издательство	Black Library
Серия книг	Рыцари Бретонии
Входит в сборник	Рыцари Бретонии / Knights of Bretonnia (сборник)
Источник	Hammer&Bolter
Предыдущая книга	Владетельный рыцарь / Knight of the Realm (роман)
Следующая книга	Вечный покой / Rest Eternal (рассказ)
Год издания	2010
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Рыцари Бретонии почитаются за свое воинское искусство, отвагу и славу, стяжаемую ими в битвах против зла. Проявив себя во множестве сражений при защите своей родины, Калар из Гарамона приносит Владычице клятву Рыцаря В Поиске, приняв обет искать и истреблять силы Хаоса. Ему предстоит сразиться с множеством страшных врагов, что подвергнет суровому испытанию не только его храбрость и воинское мастерство, но и прочность клятв Владычице.

□

Содержание

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII

I

Серебристая луна Маннслиб напоминала острый серп, низко висевший в ясном ночном небе. Прогалины снега ярко блестели под лунным светом. Хотя уже почти месяц длилась весна, ветер, завывавший в полях, был по-зимнему обжигающе холодным. Два всадника, сгибаясь под порывами ледяной метели, устало ехали по грязной дороге, проезжая мимо полей, заброшенных крестьянских лачуг и редких рощ.

Они путешествовали в молчании, один ехал позади другого, не произнося ни слова. Единственными звуками были топот копыт, позвякивание сбруи и призрачный шепот ветра.

Всадник, ехавший впереди, плотнее запахнулся в свой поношенный в дальних странствиях плащ, когда ветер стал усиливаться. Лицо его было почти полностью скрыто в густой тени капюшона, но глаза ярко сияли в лунном свете. Он ехал на огромном боевом коне, более шестнадцати ладоней в холке, на спине всадника в ножнах висел большой меч. В отличие от своего спутника, этот всадник сидел на коне в вальяжной манере человека, большую часть жизни проведенного в седле.

Второй же путешественник смотрелся в седле явно нелепо, неуклюже сгорбившись на спине своего паршивого мула. Этот мул, нагруженный вьюками и сундуками, и с трудом тащившийся по грязи, опустив голову почти до земли, выглядел поистине жалкой тварью. Всадник на муле дрожал от стужи -

его плащ был совсем ветхим и поеденным молью. Не в силах больше держать глаза открытыми, он задремал, повесив голову, и качнулся в седле. Вскрикнув, он проснулся и, неловко ерзая, все-таки смог удержаться на спине мула.

- Если ты еще раз свалишься, я не буду тебя ждать, Клод, - произнес первый всадник, не оборачиваясь.

Капюшон Клода откинулся, открыв его уродливую голову. Волосы его были выбриты в тщетной попытке избавиться от вшей, а маленькие свиные глазки расположены неровно. У него было только одно ухо - второе отрезал норсканский шаман несколько лет назад. Выпяченная нижняя челюсть и нависший лоб придавали Клоду особенно глупый вид. Бросив злобный взгляд на спину хозяина, он скорчил мерзкую рожу.

- Еще раз скорчишь такую рожу, Клод, и я отрежу тебе пальцы, - сказал хозяин.

- Простите, мой лорд, - промямлил Клод, зная, что это не пустая угроза.

Они продолжили ехать в молчании. Клод моргал, пытаясь не спать и разглядеть окружающую местность. Она казалась странно знакомой, хотя в темноте трудно было сказать наверняка. И, кроме того, он не был в Бретонии уже много лет.

- Где мы оказались, мой лорд? - спросил он наконец.

- Дома, - ответил хозяин.

«Как странно сейчас это слово», подумал Калар. «Мы дома».

Шесть долгих и трудных лет прошли с тех пор, как он покинул замок Гарамон. Казалось, прошла целая жизнь. Шесть лет назад он принес обет Поиска Грааля, возложив копье на алтарь Владычицы и передав управление своим замком и владениями своему юному родичу Орландо под бдительным надзором барона Монкадаса. Тогда Орландо был семилетним мальчиком, а сейчас он, наверное, так вырос, что его будет почти не узнать.

Калар путешествовал по всему Старому Свету и за его пределами, в поисках видения Владычицы Озера, богини-покровительницы Бретонии. И за все эти годы он, как и требовала его клятва, никогда не проводил больше одной ночи в одном месте, дабы Владычица не сочла его нерадивым.

В поисках божественной милости Владычицы он побеждал жутких и кровожадных тварей в темных лесах Империи, защищал угнетенных в жарких землях Арабии далеко на юге, и вместе с танами гномов бился против ревущих орд зеленокожих в глубоких подземельях под Горами Края Мира. Он сражался в десятках поединков чести - в одном из них против чудовищного тирана огров. Он бился с троллями в ледяной области Кислева, спасал дочь имперского дворянина из рук банды культистов, готовившихся принести ее в жертву в катакомбах Альтдорфа, и вышел победителем из знаменитого Танца Клинков в городе головорезов Сартозе на побережье Эсталии. Повсюду он искал призрачное присутствие богини, но всегда она вела его все дальше и дальше. А теперь она привела его обратно на родину.

Уже многие месяцы в снах Калара повторялось одно и то же видение. Хотя он не мог полностью понять его смысл, одно было ясно без сомнения: богиня хотела, чтобы он вернулся в замок Гарамон.

Поднявшись на травянистый холм, Калар остановил коня и откинул капюшон. Черты его лица давно лишились всякой мягкости, годы странствий и битв закалили его тело и душу. Глаза были темными и

суровыми, щеки покрылись щетиной, невымытые волосы свисали на плечи, а лицо было загорелым. Худощавый и настороженный, словно волк на охоте, он вглядывался вдаль, прищурив глаза.

- Господин? - спросил Клод, спустя минуту. - Что там? Я ничего не вижу.

- Вот именно, - сказал Калар. - Где огни замка Гарамон? Мы должны были заметить их еще на горизонте отсюда.

Мощная крепость господствовала над местностью на много миль вокруг, и ее ратники всегда зажигали на башнях сигнальные огни, когда наступала темнота. Но сейчас горизонт на западе окутывала зловещая непроглядная тьма.

- Может быть, их сегодня забыли зажечь? - предположил Клод, но Калар покачал головой.

- Нет, тут что-то не так, - сказал он, и его глаза ярко блеснули в лунном свете. - Я быстрее поеду один. Следуй за мной и не сходи с дороги. И не мешкай.

Клод кивнул.

Калар движением поводьев пустил коня в рысь, и поскакал к видневшемуся вдалеке темному силуэту замка Гарамон.

Маннслиб едва коснулся горизонта, когда рыцарь подъехал ближе к замку. Окутанный зловещей тьмой, родовой замок Калара возвышался над ним. Ожидая обнаружить какую-либо угрозу, Калар объехал замок по широкой дуге, но не увидел никаких признаков жизни, за исключением испугнутой лисицы и пары охотившихся сов. Лицо Калара было мрачным. Воздух наполнял запах пепла, и было видно, что несколько башен замка обрушились. На стенах не было часовых, и ни в одном из окон замка не светилось ни огонька. Судя по всему, замок был полностью покинут и постепенно разрушался.

Однако опыт Калара научил его осторожности, и он завершил свой объезд по широкой дуге, лишь после этого подъехав с южной стороны к главным воротам замка. По привычке он убедился, что ветер дует ему в лицо, чтобы замаскировать его запах.

Мост через ров был опущен и заметно обветшал, а заржавевшая опускная решетка была поднята. Калар проехал через привратное укрепление во внутренний двор крепости, оглядываясь вокруг среди руин когда-то великолепного замка.

Главная башня выгорела, ее светлые камни почернели от сажи, и лишь ветер скорбно завывал в пустых залах. Конюшни полностью сгорели, от них осталось лишь несколько обгоревших балок. Северо-восточная стена частично обрушилась, ее обломки, рассыпанные по земле, были похожи на могильные камни.

Спрыгнув с седла, Калар привязал своего коня к почерневшей от пламени коновязи, прежде чем подняться по ступеням к входу в главную башню. Одна створка дверей отвалилась, другая сиротливо висела на одной петле, скрипя на ветру. Вынув из ножен меч, Калар вошел в темные помещения главной башни.

Он шагал по пустым залам, но на его лице никак не отражались нахлынувшие чувства. Внутренние помещения башни были открыты небу, и высоко над головой виднелись звезды. Верхние этажи все сгорели, от них осталось лишь несколько толстых балок, но и они сильно обуглились, и выглядели так, словно могли обрушиться в любое мгновение. Величественная каменная лестница, поднимавшаяся от

главного входа, уцелела, но теперь она вела в никуда, и ее ступени были густо усыпаны пеплом.

Среди пепла и обломков в одном из залов виднелись кости и куски доспехов. Калар внимательно осмотрел их, пытаясь понять, какая беда обрушилась на его дом. Разрубленные кости были свидетельством сильных ударов, нанесенных мечом, и чем дальше Калар углублялся в руины, тем больше он находил свидетельств, что несколько лет назад здесь произошел ожесточенный бой.

Скорее инстинктивно, чем сознательно, он оказался в маленькой пристройке в западном крыле замка, где находилась часовня Владычицы. Божественная сила не защитила ее от пожара, бушевавшего в башне, и лишь осколки остались от когда-то прекрасных окон из цветного стекла.

Что-то привлекло его взгляд, и Калар, спрятав меч в ножны, опустился на колени перед почерневшим от огня алтарем. Наполовину погребенная под обломками маленькая статуя Владычицы лежала на боку, но осталась невредимой. Она была покрыта сажей и засыпана щебнем, но Калар поднял ее, благоговейно поставил на алтарь, и, закрыв глаза, начал молиться.

Снаружи раздался шум, и Калар мгновенно вскочил на ноги, выхватив меч. Двигаясь бесшумно и держась в тени, он, словно призрак, прошел по разрушенному залу.

- Господин? - раздался голос Клода.

- Тихо, дурак! - прошипел Калар, выйдя из мрака разрушенной башни.

- Господин, что здесь случилось? - спросил Клод. Он сполз - почти свалился - с седла и привязал своего мула к коновязи рядом с конем Калара.

Взгляд Калара заметил что-то на земле у ног крестьянина.

- Не двигайся! - приказал рыцарь.

- Что? - спросил Клод, повернувшись к нему.

- Не двигайся! Замри, - велел Калар, и крестьянин застыл на месте. Рыцарь подошел к нему, внимательно рассматривая землю. В грязи виднелись следы, которых он раньше не заметил.

- Отойди туда, - сказал он крестьянину.

- Приготовить вам еды, господин? - спросил Клод, отойдя, как было велено.

- Приготовь, но огня не разводи, - сказал Калар, не отрывая взгляд от следов. - Костер будет замечен на много миль вокруг.

Осторожно, чтобы не задеть следы, Калар присел, внимательно их рассматривая. Их было трудно разобрать, следы были старыми, и их цепочки много раз пересекались. Тем не менее, спустя несколько минут, Калар разобрал следы девяти отдельных людей и их коней. Он предположил, что они стояли тут лагерем неделю или две назад.

Его глаза прищурились, когда он заметил один особенно четкий отпечаток копыта. Судя по глубине следа, конь нес тяжелый груз, и отпечаток подковы был четко замечен. В центре его был знак кузнеца, и Калар сразу же узнал эту эмблему.

- Сангасс... - сплюнул Калар.

Выпрямившись, он пошел к своему коню, и велел Клоду собираться в путь.

- Куда мы идем, господин? - спросил крестьянин, поспешно собирая разложенную утварь.

- Навестить старого соседа, - ответил Калар, и его голос был исполнен ярости.

II

- Малорик!

Небо лишь осветилось сиянием зари, но крестьяне Сангасса уже несколько часов как проснулись и работали в грязных полях. Когда Калар проезжал мимо, многие из них прекращали работу, опираясь на свои мотыги, и удивленно перешептывались. Калар не обращал на них внимания, высоко подняв голову с застывшей на лице мрачной маской.

Хотя Гарамон и Сангасс были соседями, уже шесть поколений ни один рыцарь Гарамона не входил на земли Сангасса без кровопролития. Пограничные земли между владениями двух могущественных дворянских родов давно были спорными территориями, и за столетия бесчисленное множество раз переходили из рук в руки. По мере того, как Калар приближался к границе, его гнев рос, потому что теперь было видно, что в его отсутствие Сангассы захватили значительную часть владений Гарамона. К тому времени, когда он подъехал к воротам замка Сангасс, грозной крепости, построенной на скалистом утесе, его ярость полыхала пожаром.

- Малорик! - закричал он снова, поворачивая коня.

Встревоженные ратники смотрели на него со стен замка. Все они были одеты в табарды с эмблемой Малорика, графа Сангасса. Малорик и Калар были почти ровесниками и давними врагами. С самого детства их учили ненавидеть друг друга, и хотя им не раз приходилось сражаться в одном строю и даже спасти жизнь друг другу на поле боя, они могли быть только соперниками.

Клод облизал губы. На стенах замка стояли сотни лучников, а на привратном укреплении располагалась пара огромных требюше. Десятки ратников преградили путь, сомкнув щиты. На Калара это не произвело никакого впечатления, ведь кучка жалких крестьян не могла его утратить.

- Покажись, Малорик! - крикнул он. - Калар, кастелян Гарамона, велит тебе!

Наконец на привратном укреплении показался молодой рыцарь. Его волосы были растрепаны, и он все еще моргал спросонья. Калар не узнал его.

- Что ты здесь ищешь, Гарамон? - спросил рыцарь.

- Приведи своего господина, и побыстрее, - велел Калар. - Я не собираюсь разговаривать с тобой или другими его лакеями.

Клод вздрогнул, увидев, как лицо рыцаря покраснело от злости, и несколько лучников наложили стрелы на тетивы.

- Еще раз заговоришь со мной таким образом, и тебя убьют на месте! - заорал в ответ рыцарь. - Говори, что тебе нужно, или проваливай!

- Я принес обет Поиска Владычице, - ответил Калар. - Любой крестьянин, который осмелится выпустить в меня стрелу, будет проклят богиней, как и ты, если отдашь такой приказ. А теперь убирайся с глаз

моих, ибо я не буду говорить с тобой. Только с Малориком, и ни с кем иным. Разбуди его, если он привык спать после восхода солнца!

Рыцарь с покрасневшим лицом повернулся и исчез из виду.

Несколько долгих минут Калар и Клод ждали, пока ратники и лучники Сангасса неловко переминались с ноги на ногу. Клод пытался сжаться, стать как можно более незаметным, а Калар гарцевал перед воротами, его конь фыркал и сердито бил копытом.

Наконец ряды ратников перед воротами расступились, и появился пожилой рыцарь с холодным выражением лица. Этого рыцаря Калар узнал, хотя и не мог вспомнить его имени. Рыцарь сдержанно поклонился - лишь настолько, чтобы не выглядеть открыто невежливым.

- Граф Сангасс и его супруга приглашают вас войти, Калар из Гарамона, - сказал рыцарь. - Мой лорд сейчас завтракает и приглашает вас присоединиться.

Калар спешил, и Клод подбежал принять поводья.

- Оставайся с лошадьми, - приказал Калар крестьянину, прежде чем подойти к рыцарю Сангасса.

- Веди, - сказал Калар.

Рыцарь кивнул и, повернувшись, повел его в замок Сангасса.

- Калар, какой приятный сюрприз! - произнес Малорик с сардонической усмешкой. - Я думал, что ты мертв.

Граф Сангасс был стройным человеком за тридцать, угловатые заостренные черты его лица были лишены красоты. Волосы были светлыми, и он отращивал небольшую бородку. Прекрасно сшитая одежда графа была отделана серебром. Длинный стол перед Малориком был уставлен блюдами, достойными самого короля. От пряных ароматов желудок Калара свело голодным спазмом, а рот наполнился слюной; прошло уже несколько недель с тех пор, как он ел лучшую пищу, чем та, что готовил его слуга Клод, который был в лучшем случае плохим поваром.

- Извини, что разочаровал тебя, Малорик, - ответил Калар, оторвав взгляд от роскошных яств.

Граф Сангасс, не поднимаясь со своего кресла с высокой спинкой - плохо скрытое оскорбление, которое не ускользнуло от Калара, - оглядел старого соперника.

- Ну и вид у тебя, - вздохнул Малорик. - А запах! Когда ты последний раз мылся?

- Когда принимаешь обет Поиска, остается не слишком много времени на удобства мирской жизни, Малорик.

- Конечно же. И, насколько я понимаю, ты еще не достиг успеха в своем Поиске? Сколько уже прошло, пять лет?

- Шесть.

- Шесть лет, - протянул Малорик, сделав глоток вина. - Как летит время... Присаживайся, прошу. Хотя подожди, я велю принести одеяло. Не сочти за оскорбление, но эти кресла привезли из самого Катая, причем за весьма немалую цену.

- Спасибо, я постою, - холодно ответил Калар.

- Как пожелаешь, - Малорик пожал плечами и указал на стол. - Ешь, пей. Ты выглядишь так, словно тебя морили голодом.

- Я пришел сюда не для того, чтобы есть или обмениваться с тобой оскорблениями, - сказал Калар.

- Неужели? - произнес Малорик. - Тогда чем я обязан такому неожиданному удовольствию?

- Вернувшись домой, я нашел мой замок в руинах, - сказал Калар. - И имел отвращение видеть, как крестьяне Сангасса работают на земле Гарамона. Я не нашел ни одного из моих вассальных рыцарей, ни моего назначенного наследника Орландо, ни его опекуна барона Монкадаса. Я пришел сюда, чтобы спросить тебя, что здесь случилось, Малорик, и клянусь всем, что почитаю святым, если ты причинил вред моему дому, я убью тебя.

Не сводя взгляда с Калара, Малорик взял с серебряной тарелки очищенное перепелиное яйцо и, проглотив его, запил глотком вина из богато украшенного кубка.

- Ты все сказал? - спросил Малорик, вытирая губы шелковой салфеткой.

- Сангассы давно с завистью смотрели на владения рода Гарамон. Мне стоило бы догадаться, что в мое отсутствие ты попытаешься заполучить их, - сказал Калар. - Ты убил Орландо своим клинком, или это сделал кто-то из твоих вассалов?

- Я не убийца детей, и я был бы вправе потребовать ответа за такое оскорбление, нанесенное мне в моем же доме. Однако ты явно расстроен и не владеешь собой. Кого из богов оскорбила твоя семья, Калар, что они заставили ее так страдать? Воистину над твоим родом висит проклятье.

- Не говори о моем роде, сангассовский пес! - прорычал Калар.

- Я прощу тебя в этот раз, потому что ты ничего не знаешь и говоришь необдуманно. Но предупреждаю тебя, прекрати свои оскорбления и необоснованные обвинения в мой адрес, ибо я этого больше терпеть не буду. Той участи, что выпала твоему роду, я не пожелал бы ни одному дворянину Бастони, даже тебе, но не стоит испытывать мое терпение.

- Я видел, что люди с твоими эмблемами патрулируют земли Гарамона, - сказал Калар, пытаюсь успокоиться и говорить тише. - И я знаю, что они стояли лагерем в руинах моего замка. Как ты это объяснишь?

- Я не могу позволить, чтобы пустые неохраемые земли граничили с моими владениями, - ответил Малорик. - Без военных патрулей земли Гарамона стали бы убежищем для бродяг и беглых, гнездом разбойников или хуже. Я лишь защищаю свои земли, направляя патрули туда. Да, я занял часть земель Гарамона, чтобы обеспечить содержание дополнительных сил ополчения - надо же мне чем-то компенсировать эти расходы. Как я уже сказал, мы думали, что ты мертв.

- А что с моим племянником и наследником Орландо? Что стало с ним?

Прежде чем Малорик успел ответить, открылась боковая дверь, и вошла супруга графа в сопровождении служанок. С ее приходом в зале повеяло духами с ароматом роз.

- Ты знаешь мою жену, леди Жозефину, - сказал Малорик.

- Твою жену? - изумленно произнес Калар.

Последний раз он видел леди Жозефину, когда покидал Гарамон. Она была племянницей барона Монкадаса, и в своих долгих странствиях Калар часто думал о ней. Темными одинокими ночами он лелеял романтические мысли о том, что женится на ней, когда, завершив Поиск, с победой вернется в Бретонию - если, конечно, Жозефина к тому времени не выйдет замуж. Старый барон Монкадас, который всегда был для Калара больше отцом, чем его родной отец, раньше надеялся, что Калар и Жозефина обвенчаются, и если бы Калар не принял обет Поиска, вероятно, они так и поступили бы. Он знал Жозефину как добрую и прекрасную девушку из благородной, уважаемой и богатой семьи, и всегда был рад ее компании.

- Калар, мы думали, что ты погиб! - воскликнула Жозефина, бросившись к нему и крепко обняв, в ее кротких глазах блеснули слезы.

- Ты вышла замуж за Малорика? - спросил Калар.

- Он хороший человек, Калар, - тихо сказала Жозефина. - И заботливый отец.

- Ты... у вас дети? - удивился Калар, неловко отстранившись.

- Тебя так долго не было, Калар, - вздохнула Жозефина. На ее шелковом платье остались грязные пятна, и Калар внезапно вспомнил о том, что так и не смыл с себя пыль дорог.

- Прости, - произнес он, но Жозефина только отмахнулась.

- Это ерунда, - сказала она.

- Как бы не так, - возразил Малорик, встав из-за стола и подойдя к Жозефине. - Вообще-то я плачу за эти платья. Она любит дорогие вещи, - сказал он Калару, обнимая жену.

Калар отвернулся, его голова шла кругом. Взяв со стола кубок вина, он осушил его одним глотком.

Когда он снова повернулся к Малорику и Жозефине, его лицо было непроницаемой маской.

- Ты ничего не слышал о Бертелисе? - спросила Жозефина.

- Нет, - ответил Калар. - Я надеялся, что вы что-то о нем знаете.

Жозефина печально покачала головой.

Последний раз Калар видел своего единокровного брата в замке Леонуа, за несколько месяцев до того, как принес обет Поиска. До сих пор Калар испытывал чувство вины за те слова, которые он тогда сказал Бертелису. Калар видел, как погибла Элизабет, которую он когда-то любил. Теперь он понимал, что это был несчастный случай, но тогда он знал только, что она погибла от руки его брата. Ослепленный горем, он произнес злые слова, и они до сих пор преследовали его даже шесть лет спустя.

- Ты мне больше не брат, - сказал он тогда. Много ночей Калар раскаивался в этих словах, но боялся, что уже никогда у него не будет возможности искупить их. После этого их пути с Бертелисом разошлись.

- Что случилось с моим домом? - спросил Калар, возвращаясь к реальности. - Где Орландо? Где Монкадас?

Из глаз Жозефины снова хлынули слезы. Лицо Малорика помрачнело.

- Прости, Калар, - сказала Жозефина.

Калар смотрел на пустую тарелку перед собой. Хотя он был голоден, и еда была прекрасной, для него она была на вкус как пепел.

- Замок уже горел, когда приехал я со своими рыцарями, - сказал Малорик. - Ничего нельзя было сделать. Он горел еще два дня, и прошла целая неделя, прежде чем угли остыли.

- Должно быть, сама богиня спасла меня, - вздохнула Жозефина. - Спаслись только две моих служанки, конюх и я.

- Я не знаю, как она не сломала ноги, когда выпрыгнула из окна, - добавил Малорик.

- Но как могли двое рыцарей убить их всех? - спросил Калар. - Пятнадцать моих рыцарей-вассалов и сорок или пятьдесят ратников? Это невыносимо. Два человека не могли сделать ничего подобного.

- Это были не люди, - сказала Жозефина. - В этом я уверена. Это были демоны в обличье рыцарей.

- Ты сказала, что видела их? - спросил Калар.

- Только издалека. Я была в своей комнате, готовилась ко сну, когда услышала, что они подъехали к воротам замка. Было уже поздно. Я слышала голоса твоих рыцарей, они приветствовали приехавших, словно знали их. В их голосах звучала не тревога, но удивление и даже радость. Сначала я даже подумала, что это ты, Калар, вернулся домой, но я ошибалась. Вскоре после этого раздались вопли...

Калар склонился вперед, полностью сосредоточившись на словах Жозефины. Ее лицо было бледным и измученным, глаза застилала слезы, когда она вспоминала ту ужасную ночь пять лет назад.

- Я понимаю, это нелегко, - вздохнул Калар.

Жозефина, собравшись с духом, продолжила:

- Я вышла из своей комнаты и спустилась по лестнице. Повсюду валялись трупы. Вопли умирающих были оглушительны... Я видела одного из убийц через открытые двери главного зала. Он - оно - было залито кровью с головы до ног, и двигалось быстрее, чем способен любой человек. Я побежала в комнату Орландо, но одно из чудовищ уже было там...

Она всхлипнула, и ей понадобилось еще мгновение, чтобы снова собраться с духом.

- Орландо... Казалось, будто он спит. Его глаза были закрыты, но повсюду было так много крови... Барон тоже был там. Он умер с мечом в руках, этот храбрый слепой старик... Я побежала в свою комнату и забаррикадировала дверь. Я оставалась там, пока не почувствовала запах дыма. Пол начал нагреваться. Когда жар стал невыносимым, я выпрыгнула из окна.

- Рыцарь, которого ты видела, - спросил Калар. - Ты не заметила его герб?

- Нет, - ответила Жозефина. - Но этот демон был одет в белое.

- Одет в белое... - выдохнул Калар. Видение, преследовавшее его месяцами, внезапно вернулось в его память. Образы были смутными, их значение неясным, но он снова вспомнил лежавший на земле белый щит, запятнанный кровью. Рядом в сухой траве были видны кости и череп, побелевшие под солнцем. Поднялся ветер, взметнув в воздух черные лепестки цветов. Несколько цветов упали на щит, и лишь

теперь Калар понял, что это значит.

- Этот рыцарь... у него на щите была черная лилия?

- Может быть, - ответила Жозефина, нахмурившись. - Но я не уверена.

- Я уверен, - сказал Калар. - Владычица послала мне видение - черные лилии, падающие на белый щит. Так она сказала мне, кто это сделал.

С самого основания королевства Бретония лилия была священным символом Владычицы. Стилизованным изображением священного цветка являлась геральдическая лилия - флер-де-лис - из трех лепестков. Хотя она всегда была символом чистоты и непорочности, черную лилию традиционно носили в гербе рыцари одного знатного рода, некогда гордого и почитаемого, но ныне давно павшего во тьму.

- Богиня указала мне, кто принес погибель моему дому, чтобы я мог искать мести, - произнес Калар, его глаза сверкали убежденностью.

- Если ты так считаешь... - кивнул Малорик, обняв жену за плечи.

- Теперь моя цель ясна, - сказал Калар, вставая из-за стола. - Я должен ехать.

- Ехать? - воскликнула Жозефина, тоже поднимаясь. - О чем ты говоришь?

- Если он хочет гоняться за глупыми видениями, пусть едет, - сказал Малорик, взяв жену за руку.

- Но куда?

- Рыцарь, которого ты видела, - сказал Калар. - Я знаю, кто он.

- Кто? - спросила Жозефина.

- Черная лилия на белом поле. Это герб Меровеха из Арлона.

- Рыцарь, который победил твоего брата на турнире в Леонуа? - спросил Малорик. - Правильно?

- Да.

- Арлон? - спросила Жозефина. - Где это? Я не слышала о таком месте.

- Не удивительно, - сказал Малорик. - Ибо это проклятое место. Оно находится в пределах Музильона.

- Музильон... - выдохнула Жозефина, а в ее глазах отразился ужас.

- Именно туда я и поеду, - сказал Калар.

III

Музильон, царство проклятых.

Клод смотрел вперед широко открытыми немигающими глазами, пока баржа медленно плыла по черным водам реки Грисмери. Его взгляд упирался в плотную стену тумана, стоявшую между ледяной черной водой и хмурым небом, скрывая берега Музильона. Крестьянин содрогнулся.

- Как будто край мира, - вздохнул Клод. - И мы плывем прямо к нему.

- Ерунда, - сказал Калар. - Это просто туман и ничего больше.

Он держал в руках меч, восхищаясь тем, с каким искусством было изготовлено оружие. Клинок был выкован безупречно и сверкал серебром, а навершие эфеса великолепно выполнено в виде геральдической лилии.

Клинок Гарамона был бесценной реликвией, передававшейся по наследству в его роду уже многие поколения. По легенде меч был благословлен поцелуем самой Владычицы. Отправляясь в свой Поиск, Калар вручил клинок Гарамона своему племяннику Орландо. Когда оказалось, что замок Гарамон разрушен, Калар боялся, что бесценное оружие потеряно, украдено или уничтожено, но эти страхи оказались напрасны. Перед тем, как он уехал из Сангасса три недели назад, Малорик принес ему клинок Гарамона, обернутый в бархат.

- Мои люди нашли его в руинах, - сказал граф Сангасс. - Я подумал, что лучше не оставлять его мародерам.

Чудесным образом, а скорее всего благодаря благословию Владычицы, клинок Гарамона не пострадал в пожаре. Калар спрятал его в ножны и пристегнул их к поясу.

Они приблизились к середине реки, где течение Грисмери было быстрым, а ее черные воды глубоки. На оставшемся позади берегу, на бастонской стороне реки, виднелись сторожевые башни, поставленные вдоль берега. Такие башни были построены повсюду на многие сотни миль вдоль границ Музильона, почти пять веков назад, и их постройка оплачивалась из королевской казны. Они стояли, словно безмолвные стражи, всегда напоминая об угрозе со стороны Музильона. При первых признаках беды на вершинах башен зажгутся огромные сигнальные костры, один за другим, передавая сигнал тревоги быстрее, чем летит орел.

Конь Калара заржал и беспокойно затопал копытами по палубе. Калар подошел туда, где стоял конь, и успокаивающе заговорил с ним, поглаживая по шее. Пять угрюмых лодочников работали на барже молча, но Калар просто не обращал на них внимания. Успокоив коня, он пошел в носовую часть баржи, где сидел Клод, вцепившись в планширь. Баржа слегка покачивалась, и Калар, за свои странствия так и не привыкший к качке на воде, держался за ограждение, шагая по палубе.

- Ничего хорошего из этого не выйдет, - проворчал Клод. Крестьянин был явно напуган.

Туман посреди реки Грисмери нависал на сотни футов над ними, словно огромные стены замка. Когда баржа вошла в этот мрак, горбатый крестьянин закрыл глаза и начал шептать молитву.

Надвинулся холод, сырой и промозглый, а видимость сократилась до нескольких футов. Мгла, казалось, поглощала все звуки, даже плеск воды о корпус баржи звучал странно далеким. Туман просачивался под доспехи, кожа от него становилась холодной и мокрой, и Калар начал дрожать от холода.

Внезапно что-то заскребло по дну баржи и судно страшно затряслось.

- Что это было? - хрипло спросил Калар, открыв глаза и вцепившись руками в деревянный борт.

- Большая рыба, - сказал один из мрачных лодочников. Калар не понял, шутит он или нет.

Через несколько минут в сыром тумане Калар промок до нитки, мокрые волосы длинными прядями свисали ему на шею. Путешествие сквозь туман, казалось, длилось целую вечность. Эхо вокруг них

разносило странные звуки: треск, стоны и далекие крики. Сначала Калар подумал, что это кричат водные птицы, но крики казались пугающе человеческими. Несколько раз он был уверен, что слышит поблизости чей-то шепот, но не видел вокруг ничего.

Вдруг Клод вскрикнул, и Калар раздраженно посмотрел на него.

- Кто-то как будто дышал мне в затылок, - оправдываясь, сказал Клод, в чьем голосе звучал страх.

- Тебе показалось, - ответил Калар. - Молчи.

Он уже начал думать, не заблудились ли лодочники в тумане, когда раздался скрежет гравия по дну баржи, возвестивший о том, что они достигли берега Музильона.

Берег реки, словно мираж, возник из тумана, и баржа со скрипом остановилась на отмели. Земля вокруг была окрашена в оттенки серого и укутана мглой, отчетливо виднелась лишь узкая полоса черного песка перед ними.

Лодочники, явно спеша скорее отчалить, торопливо разгружали баржу. Стащить с палубы мула Клода удалось не сразу. Упрямое животное никак не хотело выходить на берег, и подчинилось только когда Калар крепко шлепнул его по боку. Конь Калара тоже явно испытывал страх, но послушно вышел на берег за хозяином, разбрызгивая копытами черную воду. Не сказав ни слова, лодочники столкнули шестами баржу с отмели и исчезли в тумане.

Было темно, словно в сумерках, хотя прошел едва ли час после полудня. Калар огляделся вокруг. Казалось, что земля тут словно обесцвечена. На другой стороне реки сквозь тучи светило солнце, но здесь его не было видно. Трава и растения увяли и казались мертвыми. Поблизости виднелось одинокое дерево, чей ствол был уродливо искривлен. На лишенной листьев ветке сидел ворон размером с небольшую собаку и смотрел на них, склонив голову набок.

Краем глаза Калар заметил какое-то движение, но когда повернулся, там уже ничего не было.

- Мы не выберемся отсюда живыми, - вздохнул Клод.

Словно в подтверждении его слов, где-то в тумане завыл волк.

IV

Что-то следило за ними.

Едва задержавшись на берегу, они поехали на запад, двигаясь по безлюдным, продуваемым ветрами равнинам и грязным полям с гниющими растениями. Они проехали мимо нескольких редких крестьянских селений, но едва заметили их обитателей, глядевших на них сквозь запертые окна.

Эта зловещая земля, казалось, существовала в постоянных сумерках, но когда сумерки стали уступать место ночи, мрак начал сгущаться еще сильнее. На небе не было видно ни луны, ни звезд, и вскоре тьма стала всепоглощающей. Лишь в глубоких подземельях под Горами Края Мира Калар видел такую же непроглядную темноту. Они зажгли факелы и продолжили путь сквозь эту первую кошмарную ночь Музильона.

Ночной мрак был наполнен воем волков, хлопаньем тяжелых кожистых крыльев и шуршанием каких-то невидимых тварей в кустарниках. Калар и его слуга не осмеливались остановиться на отдых и ехали

дальше сквозь тьму. Множество глаз, сверкавших в свете факелов, следило за ними. Сквозь вездесущий туман Калар разглядел очертания огромных черных волков, бегущих вдоль дороги за двумя всадниками.

Но не только волки следили за ними. Уже не раз Калар замечал позади на дороге сгорбленные силуэты.

- Они опять вернулись, - испуганно произнес Клод, оглядываясь.

- Они и не уходили, - ответил Калар.

- Теперь они совсем осмелели.

- Нам надо найти убежище, - сказал Калар. - Мы не сможем ехать еще одну ночь без отдыха, преследуемые этими... тварями.

Они ехали в тишине, а мрак вокруг становился все гуще. Грязная дорога впереди резко поворачивала и, проходя над маленьким ручьем, вела прямо в темный лес, по краю которого они ехали до сих пор. Лес выглядел очень мрачно и угрожающе, деревья в нем были уродливо раздуты и искривлены, а их прогнившие стволы покрывали грибы и лишайники.

- Мы поедem прямо туда? - испуганно спросил Клод.

- Дорога должна куда-то вести, - сказал Калар. - И нам нельзя останавливаться.

Слегка подтолкнув коня, рыцарь направил его к лесу. Копыта погрузились в болотистую землю, когда конь шагнул к мелкому ручью. Вода в ручье была зловонной и покрытой пленкой грязной пены. Калар прищорил скакуна, и тот легко перескочил ручей, оказавшись на другой стороне.

Мул Клода не был способен на такой прыжок, и снова уперся, не желая входить в грязную воду. Пока Клод, ругаясь, пинал и толкал упрямое животное, Калар обратил взгляд вверх, откуда слышалось зловещее карканье воронов.

С ветвей деревьев над его головой свешивалось больше дюжины трупов, болтавшихся на веревках. Мертвецы слегка покачивались, когда черные птицы отрывали от их тел кусочки мяса.

Движение среди деревьев отвлекло его внимание от страшного зрелища. Из окружающей тьмы выходили тени и направлялись к ним.

Калар вытащил из ножен на спине тяжелый меч, держа его одной рукой.

- Быстрее, смерд! - прошипел он.

Вероятно, учуяв запах преследователей на ветру, мул рванулся вперед, едва не сбросив Клода со спины, от неожиданности крестьянин выпустил из рук поводья.

- Эй! - закричал Клод, отчаянно вцепившись в мула, поскакавшего по дороге, прижав от страха уши к голове.

Конь Калара раздул ноздри и затопал копытами, но рыцарь умело управлял скакуном с помощью коленей, держа меч двуручной хваткой. Он услышал, как что-то зашипело поблизости, и этот звук был низким и свистящим. Калар прищорил коня, переведя его в рысь. Скакуна почти не пришлось подгонять, он мгновенно помчался за мулом Клода.

Оглянувшись назад, Калар увидел целую стаю сгорбленных тварей, косолапо бежавших за ним.

Невозможно было сказать, были это люди или звери, или некая ужасная смесь того и другого.

Что-то вцепилось в его волосы, царапая шею, и Калар с криком взмахнул мечом. Увидев, что это всего лишь ветка, он выругался. С дерева, словно кровь, капал зловонный сок, оно содрогнулось со стоном, его ветви затряслись.

- Владычица милостивая... - выдохнул Калар. Другие деревья, казалось, склонились, протягивая к нему свои ветви. Уворачиваясь от острых ветвей, Калар погнал коня галопом.

Через несколько мгновений он догнал Клода, все еще беспомощно цеплявшегося за охваченного ужасом мула, и, перехватив, болтавшиеся поводья, заставил мула остановиться. Дорога позади снова была чистой.

Прошло еще полчаса, прежде чем они смогли выбраться из страшного леса, и Калар облегченно вздохнул - он и не заметил, что затаил дыхание. Впереди рыцарь увидел маленькую крестьянскую ферму, и направил коня по грязной дороге напрямик к ней.

Рядом с фермой не было никаких признаков жизни, если не считать тощей трехногой козы, привязанной к гнилому пню. Жалкая скотина исхудала настолько, что под шкурой были ясно видны ребра. Коза отчаянно бляла, высовывая розовый язык и пытаясь сорваться с привязи.

Калар заметил рядом с домом маленький колодец и, подъехав к нему, соскочил с седла и начал поднимать из колодца ведро на тонкой веревке. Его конь от долгой скачки покрылся потом и ронял пену изо рта. Калар надеялся, что водой из колодца можно напоить коня. Вытащив ведро, он поднял его к носу и понюхал. Нахмурившись, Калар поднес ведро к губам и сделал глоток, но тут же выплюнул воду и закашлялся.

- Плохая? - спросил Клод.

- Плохая, - ответил Калар, с отвращением бросив ведро на землю. Оно лопнуло, как гнилой фрукт, разбрызгивая свое содержимое. Калар ощутил тошноту, увидев, что в воде извиваются жирные черви.

Внезапно поблизости раздался женский крик, пронзительный и исполненный боли. Послышались и другие голоса, в них звучала злость и возбуждение. Голоса доносились из-за амбара. Выхватив меч, Калар пришпорил коня, направив его туда.

Когда он подъехал к амбару, в нос ему ударило отвратительное зловоние, похожее на смрад гнилого мяса и испражнений. Заехав за амбар, Калар увидел группу крестьян, беспощадно избивавших палками женщину, лежавшую на земле. Калар поморщился при виде того, с какой яростью они ее били. Женщина снова закричала и попыталась подняться, но ее опять повалили на землю. Крестьяне злобно смеялись, явно наслаждаясь своим жестоким развлечением. Вскипев от возмущения, Калар пришпорил коня, направив его вперед.

Испуганно оглядываясь, крестьяне бросились врассыпную, убегая по грязным полям. Калар натянул поводья, не став их преследовать.

- Труссы, - прорычал Калар, с отвращением покачав головой. Спрятав меч в ножны, он повернулся к женщине.

Она сидела на земле, как сломанная кукла, склонившись вперед. Длинные нечесанные волосы свешивались на ее лицо. Ее худые плечи вздрагивали с каждым болезненным вздохом.

- Они ушли, - сказал Калар. - Они больше не тронут тебя.

Ее грубое крестьянское платье было разорвано на плече, открывая кожу, покрытую синяками. Девушка не пыталась прикрыться, и Калар из скромности отвел взгляд.

- Ты ранена, - сказал он, подходя ближе.

Она подняла голову, и Калар сквозь массу спутанных волос увидел налитые кровью глаза. Тонкие губы раздвинулись, а под ними оказались грязные сломанные зубы. Когда Калар с отвращением отвернулся, она внезапно схватила его за руку. Выругавшись, он попытался вырваться, но девушка оказалась неожиданно сильной и вцепилась в его руку словно тисками.

По-звериному зашипев, она взмахнула свободной рукой, целясь ему в лицо. Ее пальцы были длинными и тонкими, как у скелета, потрескавшиеся ногти покрыты грязью. Калар инстинктивно успел отвернуться, и это движение спасло его глаза. Однако он не мог избежать удара полностью, и ногти оставили четыре глубоких царапины на его щеке.

Выругавшись, Калар сильно ударил одичавшую крестьянку по голове. Она тяжело упала на землю, выпустив его руку, и Калар капающей с лица кровью отшагнул назад.

Поднявшись на четвереньки, крестьянка свирепо посмотрела на него, в ее глазах горела ненависть, а из груди вырвалось звериное рычание. Оскалив зубы, она бросилась к нему, словно паук на жертву.

Калар вынул из ножен меч, и она остановилась. Увидев ее нерешительность, он громко крикнул и угрожающе шагнул к ней.

Зашипев, девушка повернулась и побежала. Калар с отвращением посмотрел ей вслед. Услышав вопль Клода, он резко повернул голову.

- Господин!

Одним движением Калар снова вскочил в седло и, выехав из-за амбара, увидел, куда испуганно указывал его слуга.

К ферме по грязным полям приближались десятки сгорбленных тварей. Калар не знал, те ли это твари, что преследовали их в лесу, но подумал, что такое вполне вероятно. Он сразу увидел, что их слишком много, чтобы сражаться с ними. И хотя при одной мысли о том, что придется бежать от них, его лицо горело от стыда, он знал, что никак не послужит Владычице, если бессмысленно погибнет здесь.

- Прости меня, Владычица, - прошептал он. - Эй, смерд! Поехали отсюда!

Внезапно ветер переменился, принес с собой запах этих тварей, и мул Клода от страха встал на дыбы. Крестьянин шлепнулся в грязь, а мул в панике поскакал по полям.

Калар выругался и собирался уже поскакать за мулом, но остановил коня, когда еще множество сгорбленных существ выскочило из засады. Они набросились на животное, словно стая диких псов, и мул завопил в ужасе, когда они повалили его на землю. Теперь Калар разглядел, что это были крестьяне, истощенные и грязные, но некоторые из них были настолько деградировавшими вырожденцами, что вообще едва напоминали людей.

Конь Калара испуганно напрягся, топая копытами и взволнованно фыркая.

Изголодавшиеся крестьяне теперь бежали к нему, быстро приближаясь. Их лица были искажены гримасами мучительного голода.

- Не подходите или, клянусь Владычицей, отведаете моего клинка! - закричал Калар, вздев меч.

Они, ничуть не испугавшись, продолжали бежать вперед, и Калар снова выругался.

Быстро приняв решение, он подскакал к Клоду и поднял крестьянина с земли, схватив его за шиворот. Забросив слугу на спину коня позади себя, Калар поскакал прочь.

Если коню и было тяжело нести двух человек, он никак этого не проявил, и через несколько мгновений они уже скакали по грязной дороге. Голодные крестьяне бежали за ними, но вскоре отстали. Лишь когда дьявольская ферма осталась в нескольких милях позади, Калар остановил коня и благодарно похлопал его по шее.

Снова наступала темнота, принося с собой все свои ужасы, и так начиналась их вторая ночь в Музильоне.

V

Когда они подъехали к постоялому двору, вокруг была уже непроглядная тьма, хотя с наступления ночи прошел едва час.

Постоялый двор был выстроен как крепость. На самом нижнем его этаже было мало окон, и все они были закрыты ставнями и заперты засовами. Его полностью окружала стена высотой пятнадцать футов с шипами наверху. Ярко горели жаровни в тщетных попытках отогнать ночную тьму. Единственным входом в этот укрепленный пункт было капитальное привратное укрепление, и на опытный взгляд Калара, чтобы взять его, требовалась осада по всем правилам.

Когда они выехали на свет, Калар натянул на лицо капюшон. Часовые у укрепленных ворот постоялого двора заметили их и навели на них тяжелые арбалеты. Калар знал, что на таком расстоянии его доспехи едва ли защитят от арбалетной стрелы, но если и ощутил тревогу, то никак не проявил этого.

- Кто идет? - спросил один из стражников.

- Мы путешественники, ищем ночлег, - ответил Калар.

- Ворота заперты на ночь, чужестранец, - заявил стражник. - Уходите.

- Что же делать? - спросил Клод, испуганно глядя в ночь. Вдалеке завывали волки, и крестьянин вздрогнул.

- Будь я проклят, если нам придется провести еще одну ночь здесь снаружи, - прошептал Калар.

- Эй, у нас есть деньги! - крикнул он стражникам. - Мы не нищие!

- Сколько? - спросил стражник.

- Много, - ответил Калар.

- Подойдите, - велел стражник.

Шагом подъехав к воротам, Калар увидел на их створках глубокие царапины и борозды. Судя по вывеске над входом, постоялый двор назывался «Покой Морра». Под вывеской было вырезано изображение бога

смерти в образе жнеца. В отличие от более каноничных изображений, на этом Морр в одной костлявой руке сжимал кружку с пенным пивом, в другой держал традиционный меч. Калар нахмурился при виде такого неуважения, и прошептал молитву, прося прощения у бога подземного мира.

В воротах открылась маленькая дверца, в которой показалась свиноподобная морда стражника, которая моргая, смотрела на них сквозь решетку.

- Покажи свои монеты, чужестранец, - потребовал он.

Калар подвел коня ближе и прыгнул с седла. Достав из кошелька медную монету, он протянул ее стражнику.

- У тебя наверняка есть и получше, - сказал стражник.

- Это больше, чем ты заслуживаешь, - ответил Калар. - Бери ее и открывай ворота.

- Я так не думаю, - стражник самодовольно ухмыльнулся. - Что еще у тебя есть?

Калар вздохнул.

- Хорошо, - сказал он, достав из-под табарда второй кошелек. Этот кошелек был сделан из дорогого бархата, и в свиных глазках стражника вспыхнула жадность.

- Подойди ближе, - заговорщически прошептал Калар. - У меня только одна монета, и тебе не придется делиться с другими стражниками.

Стражник, облизав губы, придвинулся ближе к решетке. Калар, молниеносным движением просунув руку сквозь прутья решетки, схватил его за горло.

- Лучше бы ты взял медную, - негромко сказал Калар.

Глаза стражника выпучились. Калар, перехватив его за шею поудобнее, с силой приложил стражника лицом о прутья, и, прежде чем тот успел опомниться, приставил к его глотке нож.

- У меня новое предложение, - сказал Калар. - Открой ворота, и ты сможешь дожить до рассвета.

Стражник попытался что-то сказать, но Калар еще сильнее прижал нож к складкам жира под его подбородком, так, что выступила кровь.

- Кивни головой, если ты согласен, - глядя холодным бесстрастным взглядом, велел Калар. - И не делай резких движений.

Стражник, выпучив глаза от страха, слегка кивнул головой.

- Вот и хорошо, - сказал Калар.

- Открыть ворота, - хрипло приказал стражник, и Калар, услышав, как отодвигается тяжелый засов, отпустил стражника и спрятал нож.

Ворота широко открылись.

- Если попытаешься выкинуть что-нибудь, пока я здесь, я выпотрошу тебя как свинью, да ты и есть свинья, - прошипел Калар, въезжая в ворота мимо дрожащего стражника.

Направив коня во внутренний двор за стенами, Калар услышал за спиной, как товарищи стражника спрашивают его, сколько он получил. Обернувшись через плечо, Калар пристально посмотрел стражнику в глаза.

- Достаточно, - услышал он, как сказал стражник, отводя глаза.

Общий зал в «Покое Морра» был набит людьми и полон дыма, даже запах жарящегося мяса, опилок и эля не мог скрыть зловоние человеческого пота и блевотины. Когда Калар вошел, разговоры прекратились, и присутствующие повернулись к нему.

Калар сильнее натянул на лицо капюшон и быстрым взглядом окинул зал, оценивая обстановку. Он заметил, что над входом в постоялый двор висят осященные печати и связки чеснока. Сидевшие здесь пьяные посетители являли собой мрачное и угрюмое сборище, выражения их лиц, повернувшись к Калару, разнилось от подозрительности до прямой враждебности. Он пристально посмотрел на тех, чей взгляд задержался на нем слишком долго, и один за другим они вернулись к своей выпивке, мрачно ворча. Шум разговоров возобновился.

Калару редко приходилось видеть такую толпу негодяев в одном месте, и он на мгновение подумал, не лучше ли было бы остаться снаружи и сразиться с тварями, бродившими в ночи. Клиенты «Покая Морра» злобно смотрели друг на друга, ругались и плевались, играя в кости, выпивая и обжираясь жирным тушеным мясом и черствым хлебом. Иные громко хохотали над непристойными шутками и хватали служанок, с несчастным видом пробиравшихся от стола к столу. Держа одну руку на рукояти меча, Калар протолкнулся к стойке, оглядывая толпу в поисках вероятных угроз.

Большинство клиентов выглядели как преступники, разбойники и бродяги, хотя некоторые из них могли быть торговцами, переживавшими трудные времена, или должниками, бежавшими от кредиторов. Не все они были простолюдинами; встречались и рыцари, хотя лишь у немногих из них были видны гербы или геральдические цвета. Большинство из этих рыцарей были изгнанники и дворяне, лишившиеся владений, как понял Калар; рыцари, которые предпочли в бесчестье бежать в Музильон, чем иметь дело с бретонским правосудием. Вероятно, многие из них были убийцами, предателями и трусами, и, проходя мимо них, Калар старался, чтобы испытываемое им отвращение не было слишком заметно на его лице.

Он столкнулся с одним из этих рыцарей, проталкиваясь к стойке. Дворянин был высоким, с худым лицом, одет в темные цвета, и тоже держал руку на эфесе меча. Горло его пересекал страшный шрам, а глаза рыцаря были холодными. Калар на мгновение встретился с ним взглядом, прежде чем пройти мимо, и жестом подозвал искоса смотревшего на него трактирщика. Поблизости стоял огр, чей рост достигал девяти футов, а страшное лицо являло собой массу шрамов. Со скучающим видом огр скрестил на широкой груди руки, толстые, как стволы деревьев.

- Присматривает за любителями подраться, - пояснил трактирщик. Его толстый живот обтягивал грязный фартук. - Что вы хотите?

- Комнату, - сказал Калар. - И корм для моего коня.

Он толкнул по стойке к трактирщику пару монет, и они мгновенно исчезли.

- Служанка принесет вам ужин и вино, - сказал трактирщик, протягивая ему ключ от комнаты.

Он уже повернулся, чтобы обслужить другого клиента, но Калар схватил его за руку.

- Я ищу кое-кого, - негромко сказал Калар. - Рыцаря по имени Меровех.

Трактирщик, нахмурившись, вырвал руку.

- Вы не здешний, да?

- Так ты знаешь его? - спросил Калар.

Трактирщик кивнул.

- Вон сидят его рыцари, - он указал в толпу. - Мерзавцы разорят меня. Пьют сколько хотят и не платят ни медяка. Но что я могу сделать?

Кивнув, Калар нашел отдельный столик в темном углу, и сел туда спиной к стене. Ему принесли миску жилистого тушеного мяса и кубок дешевого вина, и он велел отослать немного хлеба и воды Клоду. К еде он не прикоснулся и лишь делал вид, что пьет, внимательно рассматривая рыцарей, на которых указывал трактирщик.

Их было шесть, они много пили, и их стол был уставлен пустыми тарелками и кубками. Калар увидел, что одним из них был тот рыцарь со шрамом и холодными глазами, с которым он столкнулся, подходя к стойке. Этот рыцарь держался в стороне от остальных, не участвуя в их пьяных излишествах. Остальные пятеро вели себя нагло, шумно и агрессивно, кричали и стучали кубками по столу, наблюдая за кукольным представлением, которое шло на маленькой сцене у противоположной стены.

Жутковато выглядывшие марионетки разыгрывали на сцене различные события из бретонской истории, и Калар заметил в представлении кое-что, что привлекло его внимание. Он увидел кукольного рыцаря, одетого в белый табард, и, прищуриль глаза, разглядел герб на табарде: черную лилию на белом поле. Лицо рыцаря-марионетки было белым, как и его волосы, на голове он носил герцогскую корону.

- Герцог пригласил всех дворян Бретонии в Музильон, чтобы отпраздновать свою великую победу, - пронзительно вещал голос рассказчика из-за ширмы. - Прибыл сам король, и герцог Музильона был объявлен правителем Бретонии!

Толпа зрителей разразилась радостными криками, когда марионетки, изображавшие герцогов Бретонии, подняли на руках кукольного герцога Меровеха.

- Однако король возревновал к славе нашего возлюбленного герцога! - продолжал рассказчик. - И он знал, что герцог Меровех был бы куда лучшим королем, чем он сам! И он задумал заговор, чтобы низложить нашего герцога!

Зрители засвистели, увидев, как кукольный король, похожий на пьяного фигляра, заговорщически потирает руки. Калар нахмурился. Он знал эту историю, но такая ее версия не была похожа ни на что, слышанное им ранее: ее перспектива была искажена, а герои и злодеи поменялись местами.

Истинная эта легенда уходила корнями в темный период в истории Бретонии, и рассказывала о последнем герцоге Музильона, который по всем сохранившимся сведениям, был мясником и убийцей, пил человеческую кровь и пожирал детей. Однако в этом кукольном представлении кровавый музильонский садист изображался как живой святой, тогда как король и его верные герцоги были выведены как завистливые дегенераты, интриговавшие против него.

Зрители зааплодировали, когда герцог Музильона раскрыл направленный против него заговор, и застучали по столам, наблюдая, как их герцог и король скрестили мечи в поединке. Искусные кукловоды

заставляли марионеток сражаться с удивительной достоверностью, и эхо от звона мечей разносилось по залу.

Послышались радостные крики и смех, когда голова кукольного короля слетела с плеч, и зрителей, сидевших впереди, забрызгало свиной кровью, хлынувшей из шеи марионетки. Кукольный герцог Музильона поднял маленький кубок и набрал в него крови, а потом осушил одним глотком, что было встречено новыми аплодисментами.

Занавес опустился, и рассказчик продолжил:

- Предатель король был мертв, но завистливые герцоги обратились против Музильона.

Занавес снова поднялся, демонстрируя герцога Музильона и его рыцарей, сражавшихся с другими герцогами.

- Под предводительством коварного герцога Леонуа, - продолжал рассказчик, - они осадили Музильон. Но, даже обладая таким численным превосходством, они не могли победить нашего повелителя, пока его пять верных чемпионов были рядом с ним. И наконец герцог Леонуа решился на предательский поступок...

Свистом и шиканьем зрители встретили появление марионетки в плаще с капюшоном, возникшей за спиной кукольного герцога Музильона, и заколовшей его кинжалом. Свершив «подлое убийство», марионетка откинула капюшон, под которым оказался кукольный герцог Леонуа. Свет на сцене померк, и опустился занавес.

Зрители громко засвистели, но умолкли, когда занавес поднялся снова. Сцена была неосвещенной и пустой, за исключением одной марионетки, обернутой в саван и лежавшей, изображая мертвеца.

- Но прежде чем умереть, наш возлюбленный герцог произнес клятву. Он поклялся, что восстанет из могилы и отомстит! Он поклялся, что Музильон вернет себе прежнюю славу, а остальные герцоги Бретонии заплатят за свое предательство!

С марионетки-трупа внезапно слетел саван, и «из могилы» восстал герцог Музильона, держа меч в каждой руке.

- Да здравствует герцог Меровех! - завопил рассказчик, и занавес снова опустился - в последний раз.

Калар покачал головой, глядя, как зрители радостно зашумели и застучали по столам. Его взгляд упал на того рыцаря, с которым он столкнулся у стойки.

Вероятно, почувствовав, что за ним кто-то наблюдает, рыцарь повернулся, но к тому времени Калар уже ушел.

VI

Час спустя рыцарь поднялся по узкой лестнице в свою комнату и отомкнул ключом дверь, которая с протяжным скрипом открылась. Внутри было темно, и рыцарь выругался. Он оставил на столе фонарь, но, должно быть, сквозняк задул его. Открыв дверь настежь, чтобы в комнату проникал свет из коридора, рыцарь подошел к столу.

Внезапно дверь захлопнулась, и его поглотила темнота. Резко обернувшись, рыцарь схватился за меч и

успел наполовину выхватить его из ножен, когда острое чье-то клинка уперлось в его горло, и он замер.

- Спрячь оружие, - произнес голос из тьмы.

Рыцарь нахмурился, но сделал как велено.

Заслонка фонаря откинулась, и рыцарь моргнул от внезапного света.

- Сядь, - сказал Калар. Надавлив острием клинка на горло, он заставил рыцаря сесть в поеденное молью кресло.

Опозоренный рыцарь, к его чести, не проявил страха.

- Руки за голову, - велел Калар.

Рыцарь пристально посмотрел на него.

- Ты совершаешь ошибку, - сказал он, небрежно заложив руки за голову. Его голос был хриплым и звучал почти как рычание. Калар поднял его подбородок острием меча, и увидел рваный шрам, пересекавший горло от уха до уха.

- Симпатичный шрам, - сказал Калар.

- Я жив, - прорычал рыцарь. - А о том сыне шлюхи, который оставил мне его, такого не скажешь.

- Как тебя зовут?

- Рабен, - сказал рыцарь. - А ты кто такой?

- Тебе придется ответить на несколько вопросов, Рабен.

- Ну да, меч-то у тебя.

- Ты один из рыцарей Меровеха?

- Ты уже знаешь ответ.

- Тогда где он?

- Ты действительно не знаешь? - усмехнулся Рабен.

- Если бы я знал, ты был бы мне не нужен, изгой.

- Изгой? Мне больно это слышать.

- Где он? - повторил Калар. По горлу Рабена потекла струйка крови.

- В герцогском дворце Музильона, - ответил он своим хриплым голосом. - В конце концов, он же провозглашает себя тем самым давно потерянным правителем герцогства.

- Безумный герцог был убит много веков назад, - прошипел Калар.

- Кто я такой, чтобы оспаривать его заявления? Всего лишь изгой, - усмехнулся Рабен.

- Именно так.

- Это все? - спросил Рабен. - Мы закончили?

Калар убрал меч, и рыцарь-изгнанник опустил руки. Внезапно Калар ударил тяжелой рукояткой меча по голове Рабена. Рыцарь без сознания свалился на пол.

- Вот теперь мы закончили, - сказал Калар.

Испуганно вздрогнув, Клод проснулся с бешено колотящимся сердцем. Не сразу ему удалось вспомнить, где он находится: в конюшне гостиницы «Покой Морра». Он лежал на гнилом сене, тяжело дыша. Снова послышался шум - как будто тяжелый кусок дерева уронили на землю.

Свет от факелов просачивался с внутреннего двора в конюшню через щель в стене. Клод присел у стены, и, моргая, посмотрел сквозь щель.

Сначала он не увидел ничего необычного. Внутренний двор гостиницы был пуст. Взгляд Клода скользнул по двору, и, увидев привратное укрепление, крестьянин нахмурился.

Тени под воротной аркой были особенно темны, но даже так Клод разглядел, что ворота открыты. Тяжелые засовы лежали на земле. Когда эти ворота были закрыты, ничего кроме тарана не смогло бы выбить их, но сейчас они были открыты настежь - прямое приглашение тварям снаружи.

Мгновение Клод раздумывал, не стоит ли быстро пробежать по двору и запереть ворота, ибо он хорошо знал, какие ужасы таятся во тьме снаружи. Но он не был героем, и в любом случае ворота и засовы были бы слишком тяжелы для него одного. Он остался на месте, прикованный страхом, глядя на ворота в немом ужасе.

Несколько долгих минут он наблюдал, едва осмеливаясь дышать. Когда прошла, казалось, целая вечность, Клод увидел, как в воротах появилась движущаяся тень, и волосы на его затылке встали дыбом.

Темный силуэт двигался, пригибаясь, припадая к земле. На краю участка двора, освещенного факелами, он задержался, но потом двинулся вперед. Клод увидел бледное лицо и тощее жилистое тело. Под кожей были явно заметны кости. Существо понюхало воздух, как животное, и зашипело через плечо. Поднявшись с земли, существо, которое было когда-то голодным крестьянином, настороженно вошло во двор гостиницы с трясущимися руками.

За первым крестьянином появился второй, грязный бородатый человек, вооруженный ржавой мотыгой, а за ним еще и еще. Сердце Клода громко колотилось в груди, но он не мог оторваться от щели в стене.

Он застыл, когда один из крестьян оказался в паре футов от него, отделенный лишь тонкими досками стены конюшни. Этот был особенно мерзкой тварью, едва напоминавшей человека. Существо остановилось и склонило голову набок, раздувая ноздри. Клод мог разглядеть синие вены под его кожей, и чувствовал исходящий от твари звериный смрад. Вдруг существо повернулось и посмотрело прямо на него. Сердце Клода замерло, когда он понял, что тварь увидела его. Она ухмыльнулась, оскалив грязные острые зубы.

Ахнув, Клод отшатнулся от стены и пополз назад. Он услышал шаги уже внутри конюшни, и лошади и пони стали испуганно ржать и биться в своих стойлах. Конь его хозяина дрожал, прижимая уши к голове.

Вопль, раздавшийся поблизости, заставил Клода подскочить. Крик быстро оборвался, сменившись предсмертным хрипом.

Дыхание Клода вырывалось судорожными вздохами, его руки тряслись. Прокравшись вперед, он выглянул за угол стойла и посмотрел на выход из конюшни. Он увидел нескольких сторбленных крестьян, двигавшихся по проходу между стойлами прямо к нему. Их головы были опущены и поворачивались из стороны в сторону, словно у собак, искавших запах добычи. Клод нырнул обратно в стойло, прежде чем его успели заметить.

- Ранальд, защити меня, - прошептал Клод, призывая бога удачи, покровителя воров, игроков и бродяг по всему Старому Свету. Он бестолково топтался на месте, не зная, что делать, и уже хотел было спрятаться под соломой на полу, но соломы было слишком мало, чтобы укрыть его, да и эти твари все равно его унюхают. Потом он подумал о том, чтобы вскочить на коня своего хозяина и на нем вырваться из конюшни. Но Клод сомневался, что конь позволит ему даже взобраться в седло, и уж тем более ехать на нем. И даже если после этого Клод выживет, его хозяин наверняка повесит его за осквернение благородного животного.

Он забился в дальний угол стойла, осторожно обходя могучего боевого коня. Мышцы коня были напряжены, чувствуя, что приближаются хищники. Одичавшие крестьяне были уже в нескольких ярдах, и Клод закусил губу, страх и нерешительность парализовали его.

У входа в стойло появилась тень, и конь тревожно вздрогнул, зафыркав. Не раздумывая, Клод сильно шлепнул коня по крупу.

- Ээх! - крикнул он, и конь встал на дыбы, в щепки разбив вход в стойло. Громко стуча копытами, конь рванулся вперед, и Клод увидел, как несколько одичавших крестьян бросились в стороны. Скакун поскользнулся на камнях и едва не упал, но выпрямился и выскочил из конюшни во двор.

Клод выхватил из своих скудных пожиток шипастую дубину и, встав на четвереньки, лихорадочно пополз под загородками, разделявшими стойла. Проползая по гнилой соломе и конскому навозу, он видел шаркавшие ноги одичавших крестьян, идущих по коридору.

В одном стойле Клода едва не затоптала большая упряжная лошадь, а в другом он с трудом увернулся от копыт охваченного паникой пони. Сделав глубокий вдох, он бросился под последнюю перегородку, и, встав на ноги, оглянулся, чтобы посмотреть нет ли погони.

Клод едва не врезался в одного из одичавших крестьян, сидевшего над трупом конюха и пожиравшего человечину, чей рот был заляпан кровью. Не останавливаясь, Клод бросился прямо на каннибала, коленом ударив его в лицо. Не удержавшись на ногах, Клод и сам упал у входа в конюшню, но мгновенно вскочил и бросился бежать. Рискнув оглянуться, он заметил, как существо встает на ноги. Одичавший крестьянин прыгнул на него, трясая копной лохматых волос. Еще больше вырождков-каннибалов врывалось в открытые ворота, и Клод увидел, что там ему некуда бежать. Своей неуклюжей хромающей походкой он помчался к самой гостинице, понимая, что больше всего шансов выжить у него будет вместе с Каларом.

- Господин! - завопил он на бегу. - Господин!

В любое мгновение он ожидал, что его сейчас схватят, но смог пробежать по двору и, тяжело дыша, поднялся по ступенькам к входу в гостиницу. Он был лишь в нескольких футах от двери, когда что-то тяжелое обрушилось на его спину, свалив его на землю. От удара воздух вышибло из легких, и Клод

выронил свою шипастую дубину.

Его прижали к земле, и, хотя он отбивался как дикий зверь, но не мог сбросить шипевшего каннибала. Костлявые руки вцепились в его череп, и он почувствовал, как ногти глубоко вонзились в его скальп. Клод взвыл, напрягая мышцы шеи, но, несмотря на это сопротивление, его голову подняли и с силой ударили о ступеньки. Череп пронзила пылающая вспышка боли. Оглушенный Клод почувствовал, как его голову снова поднимают. Через несколько мгновений его череп будет расколот, и мозги растекутся по ступенькам.

С трудом моргая, он едва разглядел, как перед ним открывается дверь гостиницы, увидел появившийся силуэт и серебристый блеск металла.

Держа меч двуручной хваткой, Калар срубил голову каннибала. Обезглавленный труп из обрубка шеи которого фонтаном била кровь, навалился на Клода.

- Вставай! - закричал Калар, схватив Клода за шиворот его вшивой рубахи и вздергивая на ноги. Оглушенный слуга не смог устоять на ногах и снова рухнул на землю. С его лба капала кровь. Выругавшись, Калар перехватил его за шиворот поудобнее и швырнул внутрь гостиницы, туда же ударом ноги отправив и его дубину. После этого Калар повернулся лицом к двору, и тут на него набросились трое одичавших крестьян.

Первого он зарубил сильным ударом, расколовшим грудную клетку, второго рассек от паха до груди ударом снизу вверх. На него прыгнул третий каннибал, кусаясь и царапаясь, но Калар отбросил его прямо в стену гостиницы. От удара каннибал рухнул на колени, и прежде чем он успел встать, Калар шагнул к нему и ударом рукояти меча проломил ему голову, убив мгновенно.

Увидев, как еще десятки тварей бегут к нему по двору, Калар зашел внутрь гостиницы и, захлопнув дверь, навалился на нее.

- Клод, запири замки!

Тяжелый удар обрушился на дверь, едва не отбросив от нее Калара. Рыцарь стиснул зубы, упираясь ногами, заскользившими по полу. Дверь немного приоткрылась, и в ее края вцепились руки, похожие на звериные когти.

Клод схватил с пола свою шипастую дубину и стал колотить по цеплявшимся рукам, ломая кости и круша пальцы.

Дверь снова закрылась, и Клод сначала запер верхний замок, потом нижний. Тяжело дыша, Калар отошел от двери, не выпуская из рук меча. Дверь дрожала под ударами, но держалась.

- Что во имя Морра происходит? - послышался заплетающийся голос. Оглянувшись через плечо, Калар увидел, как один из рыцарей Меровеха, спотыкаясь, спускается по ступенькам с мечом в руках. Он явно еще не пришел в себя после обильной выпивки, за ним следовали несколько его товарищей, все в разных стадиях опьянения. Из своих комнат начали выходить и другие клиенты гостиницы, чьи лица были бледны от испуга.

- Мы осаждены, - сказал Калар.

Удары по двери затихли, и Калар подошел к ней, внимательно прислушиваясь.

- Как они проникли за стену? - спросил один из рыцарей.

- Вероятно, кто-то впустил их, - ответил Калар, оглядываясь вокруг. - Я подозреваю, что сам хозяин.

- Что? - изумился рыцарь. - Но почему...?

- Вы видите здесь его или кого-то из его слуг? - спросил Калар, указав рукой вокруг. - Похоже, они все заперлись в привратном укреплении.

- Ублюдок продал нас Мортису, - прорычал один из рыцарей Меровеха.

Услышав это имя, Клод захныкал.

Несколько других человек заговорили все сразу, и в их голосах звучала паника.

- Тихо! - приказал Калар.

В наступившей тишине они ясно услышали шаркающие шаги снаружи вокруг гостиницы. Послышалась возня у стен, и Калар посмотрел вверх.

- Они пытаются добраться до окон второго этажа! - закричал кто-то, и Калар быстро огляделся вокруг. В общем зале гостиницы было сейчас около полудюжины вооруженных людей.

- Вы трое, - сказал он, указав на трех человек, державших оружие. - Поднимитесь на второй этаж и забаррикадируйте окна.

- Будь я проклят, если стану исполнять приказы какого-то... - огрызнулся один, но Калар прервал его.

- Быстро! - прорычал он. Человек, казалось, собирался спорить, но остальные сочли слова Калара разумными и поспешили по ступенькам.

Калар указал мечом на других.

- Положите набок эти столы и забаррикадируйте окна. Ты и ты, помогите мне подпереть этим столом дверь!

Не замеченный Каларом, Рабен спустился по ступенькам в общий зал, шатаясь и прижимая одну руку к виску. Но в другой руке он держал меч, и в его глазах пылала холодная ярость. Он решительно двинулся к Калару, который в это время тащил тяжелый дубовый стол, чтобы забаррикадировать дверь.

Внезапно ставни одного окна разлетелись в щепки, и в окно полезли одичавшие крестьяне, рыча и воя, как бешеные. Стол, приставленный к другому окну, был отброшен, и через него тоже полезли каннибалы.

- За Владычицу!

Калар бросился вперед и обрушил меч на голову первого влезшего каннибала, разрубив ему череп до нижней челюсти. Хлынула кровь.

Другому одичавшему крестьянину он размозжил голову рукоятью меча, но еще десятки каннибалов пытались влезть в окно. Калар услышал грохот на верхнем этаже, но вскоре его заглушили крики, лязг оружия и тошнотворный звук клинков, разрубающих плоть и кости.

Когтистые руки тянулись к нему, и Калар быстро шагнул в сторону, ударив мечом. Отрубленная кисть руки упала на пол, подергивая пальцами.

Клод попятился, лихорадочно оглядываясь вокруг в поисках пути к бегству. Забежав за стойку, он попытался открыть люк, ведущий в подвал, но не смог поднять его.

Дверь в общий зал внезапно сорвалась с петель и отлетела в сторону, внутрь гостиницы хлынул поток одичавших крестьян. Некоторые из них были вооружены примитивными дубинами и ржавыми сельскохозяйственными орудиями труда, другие, похоже, собирались убивать добычу только когтями и зубами.

Клод бросился на пол и заполз под стойку, пытаясь казаться как можно более незаметным.

Калар заметил, что рядом с ним сражается Рабен и еще двое человек. Рыцарь-изгнанник, несмотря на удар, который нанес ему Калар, сражался умело и хладнокровно. Он был быстрым и смертоносным бойцом, и Калар опасался поворачиваться к нему спиной.

Деградившие крестьяне надвигались живым потоком, перелезая через столы и отбрасывая с пути стулья. Калар и Рабен оказались прижатыми к стойке. На каждого убитого каннибала через окна и выбитую дверь влезали еще двое.

Зал был наполнен их зловонием - смесью запахов пота, гнилого мяса и сырой земли.

Вскоре каннибалы стали спускаться в зал и по лестнице с верхнего этажа.

- Они захватили верхний этаж, - сказал Калар.

Один из спутников Рабена был сбит с ног, и ему разможили голову чем-то, похожим на человеческую бедренную кость.

- Это безнадежно! - прохрипел Рабен. - Их слишком много!

- Я не собираюсь умирать здесь, - ответил Калар, сбрасывая ногой с клинка еще корчившийся труп. - Владычица со мной.

Рабен, проткнув очередного каннибала, презрительно сплюнул.

- Владычица давно покинула это место.

Один за другим защитники гостиницы гибли под натиском орды каннибалов, им разбивали головы дубинами и перегрызали глотки окровавленными зубами. Одичавшие крестьяне набрасывались на них, словно стаи изголодавшихся хищников. Раздавались вопли тех, кто еще не умер, когда каннибалы принимались за свой кровавый пир.

- Должен быть другой выход отсюда! - прокричал Калар. Сейчас он сражался спиной к спине с Рабеном. Мысль о том, что придется бежать от ничтожных крестьян, тяжело ранила его гордость, но он никак не послужит Владычице, если погибнет здесь.

Теперь Калар держал полуторный меч в одной руке, а клинок Гарамона - в другой.

Дико вопящий, почти голый крестьянин с жилистым и тощим телом прыгнул на Калара со стойки. Калар разрубил его в воздухе, и труп кровавой кучей шлепнулся на пол. Калар огляделся вокруг, оценивая обстановку в общем зале.

- Кухня, - он кивнул на дверь. - Это наш единственный шанс. Там должен быть другой выход.

Калар и Рабен были залиты кровью, и хотя большая часть этой крови была не их, оба рыцаря уже были ранены. Рабен быстро оглянулся в сторону кухни. До нее было не меньше десяти ярдов, а они с Каларом были теперь полностью окружены.

- Мы не пробьемся, - сказал Рабен.

- Проклятье, тогда оставайся здесь и подымай! - ответил Калар.

С ревом он стал вращать мечами так, что они превратились в две смертоносные дуги, и заставил противника отойти. Используя выигранное пространство, Калар прыгнул на стойку и пробежал по ней к задней стене. Одичавшие крестьяне тянули руки к нему, пытаясь схватить, но его клинки мелькали, не давая каннибалам приблизиться. Он прыгнул с другого конца стойки, свалив на пол пару врагов, и встал на ноги уже в дверях в кухню, держа клинки наизготовку. Кухня была отвратительно грязной, в ее сумраке шныряли крысы, но одичавших крестьян там не было. В дальней стене кухни Калар заметил дверь.

Бросив взгляд на общий зал, он увидел, как из-под стойки вылез Клод, и, пробираясь под столами, поспешил в сторону кухни.

- Быстрее! - крикнул Калар. Одичавшие крестьяне бросились за его слугой, выпучив налитые кровью глаза.

Рабен остался один, полностью окруженный каннибалами. Он вертелся на месте, размахивая мечом, но одичавших крестьян было слишком много, чтобы сдерживать их в одиночку. На мгновение Калар встретился взглядом с Рабеном, и увидел, что рыцарь-изгнанник шепчет проклятия. Одичавшие крестьяне бросились в атаку, но Рабен уже двигался. Уклонившись от сильного удара, он молниеносно взмахнул мечом и отсек каннибалу руку до локтя.

Калар втолкнул Клода в кухню

- Отпирай дверь! - велел Калар, шагнув назад, чтобы обеспечить себе больше пространства для ударов. Первый каннибал, ворвавшийся в кухню, был разрублен почти надвое. Вырвав меч, Калар ждал следующего врага, но одичавшие крестьяне остановились - быть следующей жертвой никто не хотел. Бросив взгляд через плечо, Калар увидел Клода у двери в дальней стене кухни, и стал отступать к нему. Каннибалы бросились за ним, но теперь они опасались его клинка. Позади них Калар заметил движение, и увидел, как Рабен прорубается сквозь массу тел.

- Подожди, - приказал он Клоду, услышав, что слуга уже открыл замки двери из кухни.

Рабен прорвался в кухню, но один из каннибалов ударил его ножкой от стула как дубиной, и рыцарь пошатнулся. Тут же трое одичавших крестьян накинулись на него. Не раздумывая, Калар бросился ему на помощь. Ударив мечом по голой спине одного из каннибалов, он перерубил твари хребет. Второго Калар отшвырнул ударом ноги, деградировавший крестьянин врезался лицом в скамью, и сверху на него с грохотом обрушились несколько грязных горшков. Калар рубанул мечом третьего, и тот с воплем рухнул, а из его разрубленной шеи хлынула кровь. Одичавшие крестьяне окружали их, наполняя кухню.

Калар схватил Рабена за руку и помог ему встать на ноги. Из ран от укусов на щеке и шее рыцаря-изгнанника текла кровь. Рабен потерял меч и вытащил из-за голенища тонкий нож.

- Ты мог бы уйти без меня, - сказал он. - Я бы ушел.

- В этом и разница между такими как ты и такими как я, - ответил Калар.

Одичавшие крестьяне бросились на них со всех сторон. Двое из них нашли смерть от полуторного меча Калара, и еще один был заколот ножом Рабена, прежде чем двоих рыцарей задавили массой.

Увидев, что его господина повалили на пол и обезоружили, Клод поспешно открыл последний замок и распахнул дверь. В кухню хлынул с улицы холодный ночной воздух, и Клод, не оглядываясь, бросился в темноту.

Но прежде чем он успел пробежать два ярда, чья-то рука схватила его за горло. Его сбили с ног и швырнули обратно в кухню. Лежа на полу, он увидел, как в дверях появился тощий крестьянин. Глаза Клода испуганно расширились, когда появившийся крестьянин вышел на свет.

- Нет, нет, нет... - в ужасе шептал Клод, отползая назад.

Вошедший крестьянин был изукрашен грубыми татуировками и на тощей шее носил ожерелье из человеческих пальцев. Сквозь кожу его предплечий были продеты острые осколки костей. Посмотрев на Клода, он улыбнулся, показав грязные зубы, заточенные, словно клыки.

- Привет, Клод, - сказал он.

Руки Калара были заломлены за спину и связаны крепкой веревкой из жил.

- Клод, - сказал он. - Что, во имя Владычицы, происходит?

Его слуга стоял рядом, дрожа и выпучив глаза от страха. Он тоже был связан и избегал смотреть в глаза Калару.

- Клянусь всем святым, я... - начал Калар, но его прервали, дернув за петлю, наброшенную на его шею. Его прижали к полу лицом вниз и дернули за веревку на шее, заставив сделать судорожный вдох.

Рядом Рабен оказался в таком же унижительном положении на полу лицом вниз, связанный как свинья на продажу.

Татуированный вожак одичавших крестьян пролаял что-то неразборчиво на отвратительно звучащем языке, и Калара с Рабеном подняли на ноги. Вожак прорычал еще один приказ, и пленных потащили на улицу в темноту. Татуированный последовал за ними, крепко держа Клода за шею.

- Мы скучали по тебе, Клод, - прошипел он.

VII

Более трех часов толпа грязных крестьян-каннибалов тащила их по зловонным болотам и зловецким лесам. Пленные были не единственной добычей одичавших крестьян; каннибалы поспешно разграбили кладовые «Покоя Морра», наполнив мешки сыром и хлебом, мясом и мехами с вином. Трупы были изуродованы и расчленены, и несколько мешков, набитые кусками человечины, сочились кровью.

Они держались подальше от дорог, тащили пленных по тропинкам, заросшим колючим кустарником и камышами. Время от времени им приходилось выбираться на открытое пространство, и они шли по грязным полям с гниющими посевами под охраной вороньих пугал. Иногда Калар и Рабен видели

вдалеке огни, но их пленители, похоже, старательно избегали населенных районов и далеко их обходили.

Они брели по колени в гнилой воде бескрайних болот, окруженные тучами кусачих комаров. Выбравшись из зловонной трясины, они снова ускорили шаг и прошли мимо гниющих домов заброшенной деревни. Здесь крестьяне-каннибалы, казалось, чувствовали себя спокойнее, говоря между собой на своем уродливом языке. Они толкали и подгоняли Калара, а их глаза горели голодом.

Ноги громко шлепали по грязной дороге, которая, поднимаясь по склону, проходила через мертвую деревню. Скоро они снова оказались в глуши, оставив прогнившие дома позади, и продолжали двигаться по грязной дороге, поднимавшейся по склону холма. Вдоль более высокой стороны дороги проходила осыпавшаяся шестифутовая стена.

Они прошли в полуразрушенную каменную арку ворот, заросшую плющом и терновником. Древние ворота висели на ржавых петлях. Калар заметил изображение песочных часов, вырезанное на каменной арке.

- Сад Морра, - сказал он.

Они поднялись выше уровня вездесущего тумана, и Калар смог более ясно разглядеть местность вокруг. Перед ними простиралось кладбище, вся вершина холма была усеяна могилами и мавзолеями. Кладбище было поистине огромным - настоящий город мертвых; здесь, вероятно, были погребены десятки тысяч человек. Могилы ниже по склону были расположены плотными рядами и отмечены потрескавшимися надгробиями, надписи на которых изгладились от времени. Многие из могил явно были раскопаны и осквернены. Над некоторыми стояли крылатые скелетоподобные статуи, заросшие плющом. В других местах кладбища были огромные общие могилы, отмеченные лишь грубыми надгробными камнями с коряво нацарапанными эпитафиями. Когда каннибалы и их пленники поднялись выше к вершине, во мгле стали заметны силуэты больших фамильных мавзолеев и богатых гробниц, вырубленных в каменном основании холма.

Черные розы росли на кладбище в изобилии, их лепестки были мягкими и бархатистыми, на острых шипах серебристо блестяла роса. Цветы испускали головокружительный приторно-сладкий аромат.

На лишенных листьев искривленных деревьях, цеплявшихся за склоны холма, сидели вороны, пристально глядевшие на процессию внизу. Повсюду были заметны символы смерти, от песочных часов и черных роз на могилах до вычурных скульптур, изображавших Морра - бога подземного мира в его различных обликах.

Одичавшие крестьяне стали вести себя более оживленно, скакать, приплясывать, улыбаться и хохотать. К процессии присоединилось еще больше деградировавших тварей, хотя Калар не знал, откуда они могли появиться. Разве что из самих могил и гробниц.

Чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд, он поднял глаза и увидел ребенка, цеплявшего за постамент потрескавшейся, покрытой мхом статуи. Ребенок - Калар даже не мог сказать, мальчик это или девочка - явно голодал и был похож на скелет, обтянутый кожей, его голова была слишком велика для такого хрупкого тела. Ребенок смотрел на пленников покрасневшими, налитыми кровью глазами, его кожа была покрыта сочившимися язвами. В этом пристальном взгляде было что-то такое, от чего у Калара мурашки побежали по спине. Ребенок зашипел на него, оскалив острые зубы.

Калар поморщился, когда его пленители дернули за веревку на его шее, потащив дальше.

Они поднялись еще выше, а потом спустились в зияющую пасть одного из больших склепов, пройдя под архитравом, вырезанным в виде статуи Морра с распростертыми руками, словно приветствовавшего входивших. В погребальной камере с низким потолком было темно и сыро, пахло мокрой землей и давним прахом. Из трещин в грубо отесанной крыше тянулись корни, похожие на руки скелетов.

Большую часть склепа занимал огромный богато украшенный саркофаг. Тяжелая крышка, на которой было вырезано изображение безмятежно покоившегося рыцаря с руками, скрещенными на груди, лежала на полу.

- Что это? - процедил сквозь зубы Калар, когда его потащили к саркофагу.

- Залезай, - прошипел один из крестьян.

Калар напрягся, сопротивляясь усилиям каннибалов, пытавшихся затащить его в саркофаг. Они проволокли его весь этот долгий путь, чтобы похоронить заживо? Он был куда крупнее, чем любой из крестьян, и они едва могли сдвинуть его с места, но петля на его шее затянулась, и лицо стало багроветь.

- Хватит, - прошипел один каннибал, крепким пинком заставляя Калара двинуться с места. Наконец его втоптали в саркофаг, и Калар, тяжело дыша, посмотрел на его содержимое.

Кости и сгнившие лохмотья были небрежно отодвинуты в сторону, и Калар увидел, что в дне саркофага пробита дыра. Через нее дул легкий ветерок, принося с собой гнусный смрад разложения.

Один из крестьян вполз туда, словно паук, и исчез в туннеле.

- Приведите их, - послышался голос из тьмы.

- Владычица, защити своего слугу, - выдохнул Калар.

Весь холм был изрыт туннелями, и пленных втоптали в недра этого лабиринта. Пол туннелей был усыпан обглоданными костями, путь освещали смрадно чадающие свечи, горевшие в нишах на стенах.

Вокруг толпилось множество крестьян, глазевших на пленных - от маленьких детей до древних старух. Калар увидел, что многие сотни одичавших крестьян влачат ужасное существование здесь, под землей, и мрачно подумал, что кладбище - самое подходящее место для них.

Все обитатели кладбищенских катакомб голодали. Их глаза были тусклыми и безжизненными, словно последняя надежда, которая оставалась там, давно погасла. Крошечные сморщенные младенцы, слишком слабые чтобы даже плакать, прижимались к высохшим грудям матерей, неспособным давать молоко. Большинство крестьян были сторбленными, их тела и лица изуродованы голодом и кровосмешением, длившимся многие поколения. У многих не хватало конечностей, у иных заметны были признаки проказы и иссыхания. Они были поистине жалким сбродом, и даже Калару, привыкшему видеть печальную участь простолюдинов, стало не по себе. Когда его тащили глубже в туннели, руки, покрытые грязью тянулись к нему, в изумлении прикасаясь к его лицу и одежде.

Целая толпа увязалась за процессией, тащившей Калара, Рабена и Клода в подземелья под Садам Морра. Одичавшие крестьяне теснились вокруг, отчаянно желая посмотреть на пленных. За ними бежали дети. По мере того, как они спускались глубже, катакомбы, пробитые руками людей, уступили место природным пещерам, чьи стены были скользкими от сырости.

Наконец они спустились в большую каменистую пещеру в темном сердце холма. Сотни горящих маленьких свечей освещали ее оранжевым сиянием. Было холодно и сыро, а в воздухе висело едкое зловоние. Бросив взгляд вверх, Калар увидел, что потолок пещеры кишит массой мохнатых тел: летучие мыши.

Каменные образования выпирали из пола пещеры и, словно сосульки, свисали с потолка. Иногда они срастались, образуя настоящие колонны, скользкие от сырости. Капли падали с потолка пещеры, словно дождь, вызывая рябь в лужах воды молочного цвета, собиравшихся в пустотах.

В пещеру выходили десятки природных окон, и у каждого толпились обитатели кладбищенского подземелья, толкаясь, чтобы лучше разглядеть пленных.

Калара и Рабена подтащили к природному каменному возвышению посреди пещеры. В центре этого возвышения был вытесан из камня пустой трон, и вокруг него грудями лежали сотни человеческих черепов.

На грубо обтесанных ступенях ниже трона сидела странная фигура, которую Калар сначала принял за высохший труп.

Едва заметно этот иссохший скелет поднял голову и посмотрел на пришедших. Густые космы седых волос свисали на его вытянутое, серое, словно прах, лицо. Это было лицо древнего старика; избородившие его морщины были столь глубоки, что казались вырубленными резцом. Глубоко в глазницах блеснули туманные глаза.

Калара и Рабена заставили встать на колени. Их мечи бросили на пол поблизости, и звон оружия эхом отразился от стен пещеры. Клод, опустив голову, пытался попятиться, но его вытолкнули вперед и поставили рядом с его хозяином.

- Что ты скрывал от меня, мерзавец? - спросил его Калар. Это была первая возможность поговорить с Клодом с того времени, как их взяли в плен.

Горбатый слуга промолчал.

- Тихо вы, - раздался голос, и кто-то отвесил Калару подзатыльник.

- Откуда тебя здесь знают? - прошипел Калар. - Отвечай!

Клод по-прежнему не отвечал, и Калара снова ударили, на этот раз сильнее, повалив его на пол.

На полу пещеры, прямо перед носом Калара лежал обломок кости три дюйма в длину и острый, как кинжал. Калар повернулся набок, и когда его снова вздернули на колени, подобрал обломок, спрятав его в связанных руках.

В пещере воцарилась тишина, прерываемая только постоянным падением капель. Седой человек на ступенях трона молча смотрел на пленных непроницаемым взглядом. Калар поднял голову, гневно сверкнув глазами.

- Я требую немедленно освободить меня, - сказал он.

Седой человек остановил взгляд на Каларе, но продолжал молчать.

- Цель моего путешествия в эту проклятую землю не связана с вами или вашим... народом, - сказал

Калар. - Отпустите меня.

Человек с пепельным лицом еще секунду смотрел на него, потом встал, его движения были медленными и осторожными. Когда он вставал на ноги, казалось, что он будто раскладывается, его конечности были слишком длинными и тонкими, словно у насекомого. Седые спутанные волосы свисали ниже его пояса. Он был облачен в древнее ветхое одеяние, сохранившее остатки былой роскоши; так мог бы одеваться знатный лорд давно ушедшей эпохи. С манжет его рукавов свисали тонкие поеденные молью кружева, похожие на пыльную паутину.

С королевским достоинством он встал перед двумя коленопреклоненными рыцарями и трясущимся Клодом.

Руки этого старика были длинными и тонкими, пальцы походили на иглы из слоновой кости. Он сделал жест, приказывая поднять рыцарей с колен, и их грубо вздернули на ноги. Калар стоял с высоко поднятой головой, не желая проявлять страх перед этим королем нищих и его двором оборванцев.

Седой человек был тощим и хрупким на вид, словно высохший труп, его спина была немного сгорблена, но даже так он возвышался над Каларом. Он подошел к трем пленным, внимательно рассматривая их, и остановился перед Клодом. Горбатый слуга вздрогнул, когда старик потянулся к нему, и тонкие пальцы подняли голову Клода за подбородок, пока его глаза не стали смотреть прямо в лицо старика. По щекам горбуна потекли слезы.

Истощенный, словно скелет, старик начал смеяться, и его смех казался гулким грохотом.

- Давно это было, - сказал старик, все еще смеясь. - Добро пожаловать домой, Клод.

- Домой? - прошипел Калар, оглядываясь на своего слугу. Лицо Клода заметно побледнело.

- Позвольте мне представиться, - сказал старик, повернувшись к Калару. На его пепельных губах мелькнул призрачный улыбки, из-за чего старик напоминал ухмыляющийся труп. - Я - Дедушка Мортис.

- Дедушка Мортис, - сухо повторил Калар.

- Единственный и неповторимый, - старик отвесил шутовской поклон.

- Я Калар из Гарамона, что в герцогстве Бастонь, Рыцарь В Поиске.

- В Поиске, значит, - кивнул Мортис. - А этот?

- Рабен, - представился рыцарь-изгнанник.

- Просто Рабен?

- Просто Рабен.

- Понятно, - сказал Мортис, секунду посмотрев на Рабена и отвернувшись.

- А это, - сказал старик, театральным жестом простирая свои костлявые руки, - это мои дети. Мои любящие и верные дети, - Мортис многозначительно посмотрел на Клода, который сжался под его взглядом.

- Твои дети, - сказал Калар, - выродки-каннибалы.

- В трудные времена нужда заставит, и так далее, и тому подобное, - Мортис пожал плечами.

- Поедать плоть таких же людей, как они - мерзость, - возразил Калар. - Лучше бы этим крестьянам умереть.

- Оставь свое праведное возмущение, здесь оно ничего не значит, - усмехнулся Мортис. - Мои дети живы, а это уже само по себе победа в этих забытых богами землях.

- Это не жизнь, - заявил Калар, оглядываясь вокруг. - Я бы предпочел умереть, чем жить так.

- Интересное замечание, - ответил Мортис. - На твоих костях много хорошего мяса.

- Вы хотите убить нас? - с текущими по щекам слезами спросил Клод.

- Убить вас? - Мортис протянул руку и погладил Клода по щеке. - Этих двоих, может быть. Но тебя? Конечно, нет, дитя мое! Твое место здесь. Все твои грехи будут забыты... со временем. Конечно, ты будешь наказан, но ты дома, и это самое главное.

Услышав о наказании, Клод побледнел. Отвернувшись от него, Мортис указал пальцем на Рабена.

- Это один из рыцарей герцога, - сказал он. - Почему он еще не мертв?

- Этот рыцарь под моей защитой, - ответил Калар. - Ему не будет причинен вред.

- Вот как? - удивился Мортис. - Что же ты делаешь здесь, в Музильоне, Калар из Гарамона? Что привело тебя в наши проклятые земли?

- Сама Владычица привела меня сюда.

- Зачем?

- Какое это имеет значение? - спросил Калар.

- Просто любопытство, - ответил Мортис. - Порадуй старика.

- Я пришел сюда, чтобы найти кое-кого, - сказал Калар. - А когда найду - убью его.

Услышав это, Рабен ухмыльнулся.

- Ты явился сюда убить его? - воскликнул он. - Тогда ты еще больший дурак, чем я думал! Его нельзя убить. По крайней мере, такие как ты не могут его убить.

- Любого человека можно убить, - сказал Калар.

- Меровех не человек, - ответил Рабен.

- Человек, черт, дьявол - мне плевать, - заявил Калар. - Я убью его.

Внезапно Мортис метнулся и схватил Калара за горло. Его ногти глубоко вонзились в кожу, выступила кровь.

- Меровех? - произнес Мортис, четко выговаривая имя. - Ты пришел сюда, чтобы убить герцога Меровеха?

Прежде чем кто-то успел отреагировать, Калар освободил руки, разрезанная веревка упала с его запястий. Никто не заметил, как он перерезал веревку из жил, и во мгновение ока приставил острый, словно бритва, осколок кости к горлу Мортиса.

Старик отпустил его и поднял обе руки в знак подчинения. Пещера наполнилась криками и шипением, чьи-то руки стали затягивать петлю на шее Калара, но рыцарь еще сильнее прижал обломок кости к горлу Мортиса.

- Отзови их, иначе умрешь, - прошипел Калар.

Старик издал звук, словно прочищая горло, и крестьяне неохотно отошли в сторону от Калара.

- Я не друг герцогу Меровеху, Калар из Гарамона, - произнес Мортис, улыбаясь, словно оживший труп. - А враг моего врага - мой друг, не так ли?

- Меровех Безумный, - произнес Мортис. - Глупец одержим восстановлением былой славы Музильона, и готов уничтожить все, что считает в этом помехой. Например, моих детей и меня. Не возражаешь, если я присяду?

Калар держал в руке клинок Гарамона, нацелив его острие в костлявую грудь Мортиса. По приказу Калара, Клод развязал Рабена и подобрал с пола их оружие. Свой щит и полторный меч Калар повесил за спину, рядом с ним стоял Рабен с мечом в руках, настороженно глядя на враждебно настроенных крестьян. Клод стоял поблизости, испуганно заламывая руки.

Мортис, вздохнув, опустился на каменные ступени у трона. Калар предположил, что старику уже не меньше девяноста лет. Но каким бы дряхлым ни казался Мортис, Калар не собирался его недооценивать. Разум старика явно был острым, словно бритва, и достаточно было одного слова, чтобы крестьяне, стоявшие вокруг, разорвали бы пришельцев на куски.

- Пять лет Меровех ведет войну с нами. И все это время нас защищал наш господин, - Мортис указал на пустой трон. - Но теперь он пропал. Три ночи назад его схватили в Болотах Мрака. А без него мы обречены.

- Древний пропал? - изумленно выдохнул Клод.

Мортис мрачно кивнул.

- Ты оказал бы мне великую услугу, убив герцога, - сказал Мортис, его костлявые пальцы барабанили по каменным ступеням. - Хотя сделать это будет нелегко.

- Владычица со мной, - мрачно заявил Калар. - Герцог Меровех умрет от моего клинка, я клянусь в этом.

- Давай просто выберемся отсюда, - тихо прошептал Рабен за его плечом.

Мортис снова постучал пальцами по пыльным камням ступеней.

- Оставь этого нам, - он указал на Рабена. - И ты свободен.

Рабен бросил на Калара встревоженный взгляд.

- Возьми меня с собой, - быстро зашептал он. - Я смогу привести тебя близко к Меровеху. Без меня ты не подберешься к нему ближе чем на сто ярдов.

Калар обдумал свое дальнейшее решение.

- Рабен пойдет со мной, - сказал он наконец.

- Он же один из рыцарей герцога, - возразил Мортис. - Ты думаешь, что можно верить его слову?

- Ни на мгновение, - ответил Калар. - Он изгнанник, и у него нет чести, но он может оказаться полезным.

Где-то вдалеке раздался удар колокола, разнесшийся по катакомбам, и Мортис поднял взгляд.

Летучие мыши на потолке пещеры внезапно все сорвались в полет, их писк и хлопанье крыльев были оглушительны. Они закружились по пещере плотной тучей, словно косяк рыбы, потом бросились к отверстию в потолке и вылетели в него. Скорбный колокол продолжал звонить.

- Что это? - спросил Калар.

- Предупреждение. Они пришли покончить с нами, - сказал Мортис. Крестьяне вокруг разразились криками и рыданиями, шипели и скрежетали зубами.

- Мне это не нравится, - сказал Рабен. - Надо уходить!

- Меровех идет на нас! - объявил Мортис. - Лабиринт больше не может быть безопасным убежищем.

- Он здесь? - глаза Калара сверкнули. - Меровех здесь?

- Он не станет пачкать руки лично, - Мортис покачал головой.

- Откуда ты знаешь? - спросил Калар. - Можно будет покончить с ним сейчас же.

- Его здесь нет, - уверенно сказал Рабен. - Он ждет во дворце. Еще две ночи назад начали готовить пир в честь победы, чтобы приветствовать его капитанов после возвращения.

- А ты откуда это знаешь? - спросил Калар.

- Меня пригласили, - ответил Рабен с сардонической улыбкой.

- Хватит болтать. Мы должны уходить, - перебил их Мортис.

- Мы? - спросил Калар.

- Я проведу вас в город, - сказал Мортис.

VIII

- О боги, приходилось ли тебе когда-нибудь терпеть такую вонь? - прорычал Рабен.

Калар был вынужден признать, что не приходилось. Хотя он закрыл рот и нос тканью, пропитанной ароматным маслом, даже это едва спасало от тошноты.

Они осторожно двигались друг за другом по узкому канализационному туннелю. Крестьяне Мортиса шли впереди, выбирая наиболее безопасный и короткий путь. Все поверхности в туннеле были скользкими от нечистот - и закругленные стены, и узкий выступ под ногами. Рядом с ними тек едва двигавшийся зловонный поток дерьма. В нем извивались какие-то бледные твари, вызывая у Калара спазмы тошноты. По пути они проходили мимо бесчисленных сгнивших и раздутых трупов, плававших в нечистотах.

Факелы, которые они несли, наполняли узкие туннели едким черным дымом. Ключья паутины с треском сгорали в их пламени. Крысы размером с небольшую собаку шныряли в темноте, оглядываясь на людей,

вторгшихся в их царство, и глаза грызунов сверкали, словно красные драгоценные камни.

Они были уже под поверхностью защищенного стенами города Музильон, и постепенно приближались к своей цели. Чтобы добраться сюда, пришлось потратить почти три дня. Калару нестерпимо хотелось увидеть дневной свет и оказаться подальше от Мортиса и его отвратительных «детей».

На перекрестках туннелей, где сточные воды текли быстрее, они встречали крестьян, вылавливающих длинными шестами трупы и плавающий мусор. Эти крестьяне снимали свои грязные шляпы и почтительно кланялись, когда Дедушка Мортис проходил мимо.

- Ты говорил о Л'Ангвиле, - сказал Калар, обращаясь к Рабену. Он был уверен, что рыцарь-изгнанник умолчал о многих фактах в своей истории, но даже так картина событий, приведших к изгнанию Рабена, была весьма мрачной.

Рабен вздохнул.

- Я перерезал горло мерзавцу. Он умер быстрее, чем заслуживал.

- Он был твоим сюзереном, которому ты поклялся служить, - сказал Калар. Они повернули за угол, и крысы бросились в стороны от света факелов.

- Граф Барахир был настоящим чудовищем, развратником и убийцей, - сказал Рабен. - У него не было чести. Он получил то, что заслужил.

Калар промолчал. В действительности он и сам не знал, что сделал бы на месте Рабена.

- Меня лишили моих владений и титулов, и заключили в тюрьму. Я не сопротивлялся, потому что верил, что мою семью пощадят, если я сдамся добровольно. Но ее не пощадили, - с горечью произнес Рабен. - Мою жену выпороли кнутом и отправили работать в поля вместе с детьми. Меня собирались повесить, но еще сильнее мучило чувство вины за то, что я навлек на свою жену и дочерей. Я смог подкупить тюремщика и сбежать, но оспа уже сделала свое дело. Вероятно, им еще повезло, что недолго пришлось мучиться. Если бы мои дочери были живы, сейчас они были бы почти взрослые.

- Мне жаль, - сказал Калар.

Во мраке он увидел, как Рабен пожал плечами.

- И так ты оказался в Музильоне? - продолжил Калар.

- И так я оказался в Музильоне, - кивнул Рабен. - Мне больше незачем было жить, но не хватало смелости покончить с жизнью. За мной охотились как за беглым преступником, но когда я пришел сюда, мои преследователи не рискнули пойти за мной. Это было девять лет назад.

Некоторое время они шли в молчании, пока вдоль колонны не сообщили, что они уже близко к цели.

- Слава Владычице за милость ее, - прошептал Калар.

Рабен презрительно фыркнул, и Калар бросил на него гневный взгляд.

- Что? - спросил Рабен, дерзко глядя на Калара. - Это ваше поклонение Владычице - сплошная фальшивка. Только потому, что одному из наших предков показалось, будто он увидел в воде какую-то девуку...

Вдруг рыцарь-изгнанник поскользнулся и упал бы в сточные воды, если бы Калар не схватил его за руку, вытянув назад.

Но один сапог Рабена все же коснулся зловонного потока. Гниющий труп, плавающий поблизости в нечистотах лицом вниз, тут же вскочил и бросился на рыцаря. В глотке ожившего мертвеца копошились черви, рот был открыт, а пальцы, сгнившие до кости, вцепились в ногу Рабена.

Рыцарь-изгнанник вскрикнул, отбиваясь ногами от ужасной мертвой твари. Меч Калара разрубил голову существа с мокрым хлюпающим звуком, и труп соскользнул обратно в сточные воды, отпустив ногу Рабена. Изгнанник отполз от края и поднялся на ноги, явно потрясенный.

- Мертвым в Музильоне нелегко упокоиться, - произнес Дедушка Мортис со зловещей усмешкой, появляясь, словно призрак из мрака. - Пойдем. Здесь наши пути расходятся.

Тяжелая решетка была отодвинута в сторону, и Калар выбрался из туннеля, оглядывая место, в котором оказался. Он был в темном, заваленном отбросами переулке не больше трех футов шириной. Поблизости крысы пожирали дохлую кошку, и злобно зашипели на человека, прервавшего их пир. Запах здесь был едва ли лучше, чем в канализации, но, по крайней мере, они выбрались из-под земли.

Повернувшись, Калар помог выбраться Рабену и заглянул во тьму туннеля.

- Скорее там, крестьянин, - сказал он. - У нас мало времени.

Внизу ржавой лестницы в туннеле, там, где их не мог видеть Калар, Дедушка Мортис крепко держа Клода, говорил с ним тихим угрожающим голосом. Лицо горбатого крестьянина было бледным.

- Сделаешь это, и твои прошлые грехи будут забыты, - прошипел Мортис.

Клод энергично закивал, и Мортис отпустил его. Выпрямившись, старик шагнул назад и исчез во тьме.

- Не подведи меня, - слышался из мрака его низкий гулкий голос.

Дрожа, Клод поднялся по лестнице из туннеля. Калар схватил его за шиворот и вытащил, не дожидаясь, пока крестьянин вскарабкается на последние несколько футов.

Калар не хотел брать горбатого слугу с собой, но Мортис настоял на этом.

- Он больше не твой, - сказал старик. - Он мой и только мой, но он будет сопровождать тебя во дворец.

Мысль о том, что его могут оставить одного в подземелье под городом, была отнюдь не привлекательной. Калар сомневался, что тогда он вообще сможет выбраться наверх, и был вынужден согласиться с Мортисом.

Решетку, закрывавшую вход в канализацию, поставили на место, и Калар натянул капюшон на лицо.

- Давайте покончим с этим, - сказал он.

Никогда еще Калар не ходил по улицам города более гнусного, отвратительного и опасного.

Каждое здание было темным и мрачным, облик домов был настолько искажен, что казалось, будто они корчатся в безмолвной агонии. Балки искривились и разбухли от сырости, кирпичная кладка была

неровной и вспучивалась. Фундаменты некоторых домов провалились, иные же здания полностью обветшали и разрушились.

В воздухе висел тяжелый запах гнили, а все поверхности покрывал слой плесени. Улицы наполнял зловонный желтый туман, уменьшавший видимость до дюжины ярдов и приглушавший все звуки. Земля была изрытой и неровной, у стен домов громоздились груды отходов.

Калар и его спутники были не одни в этом городе проклятых.

Повсюду, где проходили, они видели сотни нищих, угнетенных, отчаявшихся людей, грязных и одетых в лохмотья. Из окон, закрытых ставнями, и темных переулков обитатели Музильона наблюдали, как чужаки идут по кварталам Старого Города. Прокаженные и калеки-попрошайки цеплялись за них, протягивая за подающим деревянные миски. Жалкие, страдавшие уродствами уличные продавцы сидели у своих тележек с гнилыми овощами и фруктами. Другие предлагали такие соблазнительные лакомства, как лягушек, корчившихся на палочках и скользких слизней.

Тощие дети, сжимавшие в руках ножи, со смехом бежали за перепуганной паршивой собакой. Мускулистые громилы в кожаных масках кидали свежие трупы в повозку, полную мертвецов. Шлюхи с синяками и гноящимися язвами на лицах зазывали клиентов из подворотен. Тошнотворно-сладкий дым поднимался из темных притонов, где человек мог забыться, если у него были деньги и желание.

В тенях переулков прятались воры и грабители, но Калара и его спутников никто не трогал. Похоже, что Мортис сдержал свое слово. Старый мерзавец, так похожий на труп, пообещал им, что их не тронут, утверждая, что в бедных кварталах Музильона его слово было законом. Калар сначала подумал, что это просто хвастовство, но теперь видел, что это не так. Он не сомневался, что без покровительства Мортиса им бы уже перерезали глотки и закинули бы их трупы куда-нибудь в глухой переулок.

Чтобы пробраться через трущобы, понадобился почти час. Наконец они подошли к мосту через реку Грисмери, украшенному полуразвалившимися статуями. Здесь сильно ощущался запах морской воды - река впадала в море менее чем в пяти милях к западу.

Здесь река была широкой и текла медленно, разделяя город на две части. На южном берегу были более бедные и населенные районы, а также пристани. На северной стороне находился старый храмовый квартал и сам герцогский дворец.

Говорили, что Музильон когда-то был гордостью всей Бретонии, ее самым оживленным, богатым и красивым городом. Он был домом Ландуина, самого славного из живших когда-либо рыцарей. Это был город красоты, культуры и науки.

«Как все изменилось», мрачно подумал Калар.

Высокие стены вдоль реки были утыканы тысячами направленных вниз шипов, начинавшихся в нескольких футах над верхней точкой прилива. Такие же шипы покрывали опоры самого моста, длина которого достигала мили.

Калар нахмурился.

- Эти шипы не позволяют мертвецам наводнить город, - пояснил Рабен. - Смотри.

Взглянув туда, куда указывал изгнанник, Калар всмотрелся во мглу. На ржавые шипы было насажено множество трупов. Содрогнувшись, Калар заметил, что большинство из них двигались.

- Пойдем, - сказал Рабен. - Вот наши ворота.

Вход в северную часть города закрывали укрепленные ворота, и когда Калар подошел ближе, то разглядел сквозь туман силуэты воинов в доспехах. Если Рабен собирался предать его, сейчас был самый подходящий момент.

- Чтоб ты понимал: как только мы войдем внутрь, ты сам по себе, - прошептал Рабен, словно услышав его мысли.

- Хорошо, - ответил Калар.

- И если каким-то чудом ты добьешься успеха, я хочу полного покровительства. Титул. И землю. Замок у моря было бы неплохо.

- Что? - удивился Калар.

- Что-нибудь, чтобы быть уверенным, что я случайно не раскрою твой секрет, - усмехнулся Рабен.

- А я уже на мгновение подумал, что ты рискнул проявить что-то вроде чести, - прорычал Калар.

- Этого можешь не бояться, - ответил Рабен.

Калар хотел что-то ответить, но Рабен прервал его.

- Осторожнее, они наблюдают, - сказал он. - Ты же хочешь подобраться близко к герцогу, не так ли? Одно мое слово, и твой Поиск закончится.

Они подошли ближе к посту стражи, и рыцарь увидел, что там было более двадцати солдат, вооруженных арбалетами и алебардами. Ворота были закрыты и заперты на засовы.

- Если мы пройдем, и ты сможешь как-то доказать мне, что я не пожалею об этом, ты получишь награду, - сказал Калар. - Большого не обещаю, но в этом даю слово.

- Ладно, тогда молчи, - сказал Рабен, когда они остановились перед воротами, и сардонически улыбнулся. - Верь мне.

- Вас я знаю, сэр, но кто эти двое? - спросил капитан стражи, подозрительно глядя на Калара и Клода.

- Это мой заместитель, - ответил Рабен, - и мой слуга. Пропустите нас, капитан. Я не хочу опоздать еще больше, чем уже опаздываю.

- Как его зовут? - спросил капитан, указав на Калара. - Я не помню его, а у меня хорошая память на лица.

Калар открыл было рот, чтобы ответить, но Рабен прервал его.

- Валакар, - сказал Рабен. - Его зовут Валакар.

- Почему он сам не говорит? - спросил капитан.

- Он немой, - невозмутимо сказал Рабен, игнорируя яростный взгляд Калара.

- Его нет в моем списке, - сказал капитан. - И вашего слуги тоже нет. А у меня строгий приказ: не

пропускать тех, кого нет в списке.

- Объясню проще, - сказал Рабен, протянув руку и взяв капитана за плечо. - Герцог Меровех - мой близкий друг, и он ожидает, что мы будем на празднике сегодня ночью. Мы уже опаздываем, и если опоздаем еще больше, будьте уверены, я сообщу лично герцогу, кто нас задержал. Вас зовут Хароль, если я не ошибаюсь?

- Не ошибаетесь, сэр, - произнес капитан, судорожно глотнув.

- Тогда на этом и закончим? - спросил Рабен, хлопая капитана по плечу.

- Да, сэр. Я распоряжусь, чтобы экипаж подвез вас прямо к дворцу. Открыть ворота!

Рабен отпустил капитана и подмигнул Калару, наблюдая, как открывают ворота.

- И еще, сэр?

- Да, капитан? - повернулся Рабен.

- Желаю вам хорошо провести время.

- О, не сомневайтесь, - ответил Рабен с улыбкой.

IX

Экипаж плавно остановился, и его черные лакированные двери открылись словно сами собой. Щелкнув, развернулась маленькая лесенка, и Калар с Рабеном вышли из обитого темным бархатом салона.

У изгиба дороги за воротами дворца стояли другие экипажи, сиявшие черным лаком. Их дверцы были украшены эмблемами в виде черных геральдических лилий на белом щите. На кучерских местах впереди сидели возницы в длинных черных одеяниях, их лица были скрыты капюшонами. В каждый экипаж были впряжены шесть огромных лошадей, накрытых чепраками цвета полуночного неба, а головы их были украшены плюмажами из перьев цвета запекшейся крови. Все лошади стояли неестественно спокойно, словно статуи.

Клод, ехавший впереди вместе с кучером, сейчас стоял, ожидая хозяина. Лицо горбатого слуги было бледным, выпученные глаза словно остекленели.

Дворец окружала металлическая ограда высотой двенадцать футов с острыми серебряными наконечниками, выполненными в виде геральдических лилий. Калар заметил, что вокруг дворца было много стражи. Стражники были расставлены с равными промежутками, оцепляя всю внешнюю территорию дворца. Они стояли совершенно неподвижно, облаченные в черные пластинчатые доспехи старинного образца, с закрытыми шлемами, скрывавшими лица.

Перед ними вздымалась грандиозная лестница из черного мрамора с красными прожилками, и Калар поднял взгляд на сам дворец.

От его размеров и оригинальности его мрачной и величественной архитектуры захватывало дух. Дворец господствовал над всей окружающей местностью и выглядел угнетающе и деспотично, но его архитектура была изысканной словно кружево. Над огромными куполами, крытыми свинцом, поднимались десятки шпилей, острых, словно иглы, соединенных паутиной изящных контрфорсов. Подвесные арочные своды, казалось, отрицавшие все законы гравитации, тянулись между тонкими, как

лезвие ножа, башнями. Грациозные колонны тянулись ввысь, поддерживая тяжелые арки, заключавшие огромные окна из цветного стекла, сверкающие разными цветами в лунном свете, пробивавшемся сквозь тучи. Дождевая вода стекала из зияющих пастей клыкастых горгулий, и крылатые статуи из черного гранита взирали на входящих с молчаливым презрением.

Другие опоздавшие гости спешили мимо них по ступеням. Взволнованные дамы в бархатных платьях с избытком драгоценностей поспешно поднимались во дворец в сопровождении рыцарей в чистых табардах поверх старинных доспехов.

Калар и Рабен с мрачными лицами быстро поднялись по лестнице. Клод в молчании спешил за ними.

Главный зал дворца был огромен, высота его сводчатого потолка достигала сотни футов. На пьедесталах стояли статуи прежних герцогов Музильона в военных доспехах, застывших в героических позах. Всех их превосходила эффектная скульптура, изображавшая самого Меровеха, изваянная из безупречного белого мрамора, в пять раз больше натуральной величины. Герцог стоял, глядя вдаль, волосы его словно развевались на ветру, одну ногу Меровех поставил на грудь обезглавленного врага. На лице герцога застыло благородное высокомерие.

Вдоль стен огромного зала, столь же неподвижно, как статуи, стояли десятки стражников, охранявших закрытые двери и широкие лестницы, ведущие на верхние этажи. Двери в западное крыло дворца были широко открыты, и туда вслед за другими гостями направились Калар и Рабен.

Стены коридора были увешаны картинами маслом, иные из них достигали в высоту почти двадцати футов. Их рамы были тяжелыми и богато украшенными, хотя многие картины потускнели и осыпались. С темных, вызывающих смутную тревогу портретов взирали суровые холодные лица. Глаза их, казалось, следили за гостями, проходившими мимо.

Повернув за угол, Калар инстинктивно потянулся к мечу, внезапно оказавшись в толпе придворных - бледных аристократов, богато одетых словно для маскарада. Дамы были облачены в изысканные бальные платья и, казалось, едва ступали по полу, изящно скользя и опираясь на руки своих партнеров, одетых по старинной моде. Все носили причудливые гротескные маски с дьявольскими рогами, острыми зубами и длинными клювастыми носами. Когда придворные в молчании проходили мимо Калара, отпустившего рукоять меча, он ощущал ледяной холод, проникавший, казалось, до самых костей.

Они шли дальше в недра дворца, и вскоре услышали звон скрещивавшихся мечей. Резкий звук эхом разносился в холодных залах, становясь все громче, и наконец Калар и Рабен расслышали вежливые аплодисменты и приглушенный шум разговоров.

В последний раз завернув за угол, они оказались в большом зале со сводчатым потолком. Зал был полон рыцарей, собиравшихся небольшими группами, попивая вино.

- Где Клод? - вдруг спросил Калар, остановившись у входа в большой зал.

Рабен оглянулся. Горбатого крестьянина нигде не было. Рыцарь-изгнанник пожал плечами.

Громко разносилось эхо от ударов мечей, раздались приветственные крики.

- Ладно, неважно, - сказал Калар, и они вошли в зал, легко проскользнув в толпу.

Зал был еще больше, чем казалось на первый взгляд, и Калар предположил, что тут собралось около трех сотен рыцарей. Массивные колонны поддерживали изысканно расписанный сводчатый потолок,

отделяя от основного пространства зала десятки альковов и боковых залов.

У западной стены, господствуя над залом, возвышалась платформа, на которой располагались статуи пяти древних воинов, сидевших на тронах с высокими спинками, покрытые толстым слоем пыли и паутины. Они сидели рядом под большим витражом из цветного стекла, на котором изображались они же при жизни. Витраж был подсвечен свечами, и Калар нахмурился при виде сцен отвратительных мерзостей и дикого варварства, изображенных в стекле. На этих сценах воины убивали мужчин, женщин и детей, вырезали их сердца и пили их кровь.

На платформе перед древними статуями был установлен алтарь со свечами. На нем стояла большая чаша из серебра и черного дерева, чьей форме было придано подобие извивавшихся змеев.

Рабен взял с подноса хрустальный кубок с кларетом, улыбаясь и кивая тем рыцарям, которых знал. Калар оглядывал зал, переводя взгляд с лица на лицо.

- Возьми выпить, - прошептал ему Рабен. - И постарайся выглядеть хотя бы не так неуместно.

Калар, понимая разумность совета Рабена, заставил себя успокоиться. Пробираясь сквозь толпу, они направлялись к возвышению со статуями, и Калар кивнул нескольким рыцарям, обратившим на него холодные взгляды. Они кивнули в ответ и отвернулись, не проявив интереса.

Калар и Рабен подошли к центру зала, где толпа гостей была более плотной. В самом центре пол опускался, образуя углубленный круг, примерно тридцати футов в диаметре. В это углубление спускались три круга ступеней, украшенных замысловатыми спиральными узорами.

В этом подобии арены сражались в поединке два рыцаря, а собравшиеся вокруг рыцари и их дамы наблюдали за дуэлью, аплодируя и одобрительно крича, когда кто-либо из соперников проводил успешный удар. Калар, проталкиваясь сквозь толпу, едва взглянув на сражавшихся, сосредоточил свой взгляд на человеке на противоположной стороне круга.

Меровех стоял, скрестив руки на груди, и увлеченно наблюдал за поединком. На голову выше любого из рыцарей в зале, герцог был облачен в рифленые доспехи старинного образца, из настолько темного металла, что они казались почти черными, а кромки доспехов были зубчатыми. Красивое и жестокое лицо Меровеха было белым, как чистейший мрамор. Казалось, он совсем не постарел с того времени, когда Калар последний раз видел его шесть лет назад. Его прямые и длинные белоснежные волосы спускались на спину.

- Здесь я тебя покину, - прошептал Рабен. - Желаю удачи.

Калар не обратил на него внимания, полностью сосредоточившись на герцоге. Рабен нырнул в толпу и исчез.

Медленно, словно охотник, выслеживающий волка, Калар приближался к своей добыче.

Х

Тяжело дыша, Клод забежал за угол и прислонился к стене. Его сердце громко колотилось, и он на мгновение закрыл глаза, пытаясь перевести дух. Достав из-под рубашки крысиный череп, подвешенный на нитке, Клод поцеловал его и, прошептал молитву Ранальду, спрятал свой талисман обратно.

Оглянувшись за угол, Клод увидел, как по коридору прямо к нему идут два стражника, чьи движения

были неспешными и удивительно синхронными. Каждый из стражников был вооружен большим двуручным мечом и с головы до ног защищен черными пластинчатыми доспехами.

Клод тихо выругался и побежал неуклюжей рысью, двигаясь настолько быстро, насколько позволяло его неровное дыхание и хромые ноги. Забежав в один из боковых коридоров, он пробрался в кладовую, доверху забитую пыльными бочонками и деревянными ящиками.

Он спустился уже на пять этажей в подземелья дворца. Знатные дворяне явно редко сюда заходили, и коридоры здесь были узкими, захламленными, и не имели таких богатых украшений, как на верхних этажах. Здесь распоряжались слуги герцога, хотя Клод видел, что их куда меньше, чем, как он предполагал, нужно для обслуживания такого огромного дворца.

Повернув за очередной угол, Клод вышел к кухням, которые казались полностью заброшенными. По полу шныряли крысы и пауки, все было покрыто толстым слоем пыли. Клод предположил, что этими кухнями не пользовались уже несколько десятилетий. Всего здесь было четыре кухни, соединенные арочными проходами, и в них имелось достаточно печей, чтобы приготовить пищу для целой армии.

Услышав позади топот латных сапог, Клод бегом промчался через кухни и направился сквозь целый ряд пустых смежных кладовых.

Перед ним оказались закрытые двойные двери. В нише рядом с ними стоял прогнивший стул и письменный стол. На стуле сидел скелет, его костяные пальцы еще держали перо. Клод заметил на столе книгу, вероятно, учетную, ее бумага пожелтела от времени. На страницах аккуратным почерком было что-то написано. Очевидно, это было рабочее место смотрителя кладовых, чьей работой было следить за поступлением и расходом продуктов. Клод когда-то работал в одном замке в Каркассоне, где здорово наловчился обманывать смотрителя кладовых. Это была отличная жизнь, и Клод не чувствовал ни малейшего сожаления, когда беднягу смотрителя повесили, обнаружив несоответствия с записями в его учетной книге.

Над скелетом, замершим на стуле, нависала темная тень, и когда Клод подошел ближе, тень вдруг приняла человекоподобную форму, и из неразличимого смутного силуэта превратилась в дородного человека с большими бакенбардами.

Призрак открыл рот, будто что-то говоря, но Клод не слышал ни единого слова. Казалось, привидение злилось, указывая на Клода призрачным пером и излучая холод смерти. Клоду совсем не хотелось проходить мимо этого неупокоенного духа, но он уже слышал позади топот сапог стражников.

Глубоко вздохнув и чувствуя, как кровь стынет в жилах, Клод бросился к двойным дверям. Призрак, казалось, еще больше разозлился, беззвучно крича на него и указывая на свою книгу. Двери не открывались, и Клод начал их трясти, пытаясь повернуть проржавевшие ручки. Оглянувшись через плечо, он увидел, что два стражника в черных доспехах идут к нему.

Призрак смотрителя, казалось, раскалился добела от ярости, издавая беззвучный рев. Он вышел из-за письменного стола, отделившись от своего скелета, и, паря над полом, полетел к Клоду. Горбун, дрожа от охватившего его ужаса, изо всех сил пытался открыть двери, но тщетно.

Призрак потянулся к нему. Клод пытался отскочить, но бежать было некуда, он оказался прижат к двойным дверям. Призрачная рука коснулась его лица, и Клод завопил. Слово ледяные иглы вошли в его кожу, и левая сторона лица онемела. Он увидел, что призрак смотрителя улыбнулся.

Внезапно двери поддались, сорвавшись с петель, и Клод ввалился сквозь них. В щепках прогнившего

дерева извивались личинки и долгоносики, и Клод пополз, продираясь сквозь обломки.

Призрак смотрел на него из дверного проема. Его силуэт заколебался, словно мираж, и два стражника прошли прямо сквозь него.

Клод вскочил на ноги и побежал. Он проскочил несколько кладовых с пустыми полками, и других, увешанных крюками для мяса, пока не оказался в самом конце секции кладовых. Здесь над большим люком в полу был установлен тяжелый деревянный подъемный кран. На катушке механизма крана была намотана толстая ржавая цепь с тяжелым крюком. Прямо над краном располагался еще один люк, ведущий на верхние этажи дворца.

Через эти люки пополнялись кладовые дворца. Столетия назад притоки реки Грисмери были направлены под дворец, и баржи, нагруженные продовольствием, подходили с реки ко дворцу по широким туннелям. Бочки с вином, ящики с мясом и всевозможные прочие продукты со всей Бретонии и даже из-за ее пределов доставлялись по подземным речным каналам прямо во дворец, и дворянам Музильона не приходилось наблюдать за этой низменной суетой.

Клод завертелся на месте, лихорадочно ища глазами способ открыть люк, и наконец его взгляд остановился на ржавом рычаге в стене. Паук размером с его ладонь, плетущий затейливую паутину между рычагом и стеной, повернувшись, посмотрел на Клода множеством глаз, сверкавших во тьме. Клод смахнул его и схватился за рычаг.

Рычаг был старый и ржавый, им явно не пользовались много десятилетий. Он никак не поддавался, и Клод зажмурился от напряжения, пытаясь сдвинуть его. Упираясь одной ногой в стену, Клод согнулся и застонал от усилий. Рычаг не двигался.

Стражники неостановимо приближались, подняв свои тяжелые мечи. Они были уже менее чем в десяти ярдах от Клода.

- Давай же! - заорал Клод, лихорадочно дергая рычаг.

С ужасным визгом металла рычаг, наконец, сдвинулся, и Клод рухнул на пол. Раздался скрежет механизмов, и две створки люка открылись вниз, словно под ногами висельника. С грохотом створки ударились о стены вертикальной шахты, и в то же мгновение цепь с подъемного крана начала разматываться. Тяжелый крюк стал опускаться в темноту, грохот разматывавшейся цепи был оглушительным.

Снизу из шахты вылетела стая летучих мышей, визжа и царапаясь. Вместе с ними из тьмы вырвались самые деградировавшие из «детей» Дедушки Мортиса, с красными глазами и кожей, покрытой кровоточащими язвами и грязью. В шахту спускалась узкая лестница, ведущая к каналу в пятидесяти футах внизу, и по ней в замок бросились десятки истощенных крестьян-каннибалов, чьи глаза пылали безумием.

Стражник в черных доспехах разрубил одного из них почти надвое от плеча до бедра. Но бешеный поток одичавших крестьян накрыл обоих стражников, и они с грохотом рухнули на пол.

Цепь, дернувшись, остановилась и спустя некоторое время начала обратно наматываться на катушки, вращаемые зубчатыми шестернями и огромными противовесами за каменной стеной.

Клод лежал неподвижно, тяжело дыша, и смотрел, как каннибалы убивают двух стражников. По их шлемам били камнями, пока металл не вмялся внутрь, в щели в доспехах вонзали ножи. Наконец оба

стражника перестали двигаться. Забрало шлема одного из них полностью деформировалось и оторвалось, и, увидев, что было под забралом, Клод поспешно отвернулся. Если эти доспехи и носил когда-то живой человек, эти времена давно прошли.

Цепь продолжала наматываться обратно, громко лязгая звеньями. Наконец появился тяжелый крюк. К нему были прицеплены четыре железных кольца, а к каждому кольцу - цепи меньшего размера, рыжие от ржавчины. На этих цепях из люка поднялась погрузочная платформа, а на ней стоял улыбающийся Дедушка Мортис, воздев руки, словно возносящееся божество.

Толпа грязных крестьян повернула стрелу подъемного крана в сторону от зияющего люка, и, наконец, платформа со скрипом опустилась на пол.

- Отлично, отлично! - воскликнул Мортис, сходя с платформы и потирая костлявые руки.

Он подошел к Клоду, все еще лежавшему у стены, и, осторожно подняв его на ноги, погладил щеку горбуна своей серой морщинистой рукой.

- Ты отлично справился, дитя мое, - сказал Мортис. - Твои прошлые грехи прощены.

Дедушка Мортис еще мгновение гладил щеку Клода, потом внезапно схватил его за горло. Костлявые пальцы крепко вцепились в глотку. Клод выпучил глаза, как рыба, вытщенная на сушу.

- Но даже не думай снова покинуть нас, - прошипел Мортис. - Твое место здесь, с нами, и больше я не потерплю неповиновения с твоей стороны!

Откуда-то издали послышался бешеный рев, эхом разносившийся по нижним этажам дворца. На лице Мортиса отразилось восхищение, он отпустил Клода, и горбатый слуга упал на колени, пытаясь отдышаться.

- Внимайте, дети мои! - воскликнул Мортис, поднеся руку к уху. - Услышите зов нашего возлюбленного господина!

XI

Калар с мрачной решимостью пробивался сквозь кричавшую толпу, не сводя взгляд с Меровеха. Не больше десяти человек отделяли Калара от края арены, и он упорно проталкивался сквозь давку, приближаясь к герцогу-альбиносу. Его рука сжимала эфес Меча Гарамона, покоившегося в ножнах у бедра.

На арене внизу раздался хрип боли, брызнула кровь, и толпа одобрительно взревела. Только Меровех никак не отреагировал, его лицо было холодным и отрешенным. Калар не обращал внимания на взгляды рыцарей и дам, проталкиваясь сквозь массу зрителей, ближе и ближе к мяснику, виновному в разорении замка Гарамон.

- Убей его! - закричала женщина с кружевным воротником вокруг тонкой шеи. Ее напудренные щеки покраснелись, зрачки были расширены. Ее крик подхватили десятки других зрителей, жаждавших крови.

Теперь Калар был позади Меровеха, и продолжал пробиваться вперед, расталкивая толпу.

Герцог стоял один, высокомерный и отстраненный. Никто не подходил к нему ближе, чем на расстояние

вытянутой руки, возможно, из уважения, но более вероятно, что из страха. Меровех был словно остров неподвижности в кипящем море людей, но это отнюдь не делало его менее угрожающим, напротив, сама его неподвижность была очень пугающей. Она отделяла герцога от всех, находившихся вокруг, возможно, даже больше, чем его алебастрово-белое лицо, заставляя его выглядеть нечеловечески и чуждо.

Калар не сводил взора с герцога. В его глазах пылала холодная ярость. Теперь он был лишь в нескольких ярдах от Меровеха, и лишь еще несколько секунд отделяли его от возможности свершить возмездие. Вся его сущность была полностью сосредоточена на этом, чувства обострились до непревзойденного уровня в предвкушении этого последнего боя.

Он чувствовал тошнотворно-сладкий аромат духов и масел придворных. Но этот аромат не скрывал смрад возбужденного пота зрителей, наблюдавших за жестоким состязанием. Он чувствовал металлический привкус крови в воздухе. Он слышал каждый вздох и видел каждую гримасу двух сражавшихся рыцарей, слышал скрип их сапог по рифленому полу арены, и резкий звон металла, ударяющего о металл. Он чувствовал привычную тяжесть Меча Гарамона под рукой.

Теперь Калар стоял прямо позади герцога. Все, что осталось сделать - выхватить клинок и пронзить злодея насквозь. Никто - ни Меровех, ни кто-либо из его рыцарей не сможет остановить Калара. Он уже начал вынимать из ножен Меч Гарамона, но одумался.

Убить врага ударом в спину, даже такое чудовище, как Меровеха, было низким, бесчестным поступком, который уронит честь Калара и в его собственных глазах и в глазах Владычицы. И, кроме того, Меровех был лишь одним из двух убийц, которые лишили жизни его племянника и разорили его замок. Прежде чем Меровех умрет, Калар должен узнать личность второго злодея, чтобы и над тем свершить возмездие.

Дуэль пришла к внезапному и жестокому финалу. Это был односторонний бой, один рыцарь явно лишь играл с другим. Наконец, устав от этой игры, он нанес сопернику мощный удар в шею. Победенный рыцарь упал на одно колено, меч выпал из его руки.

Калар видел все это лишь краем глаза, его взгляд был сосредоточен на Меровехе.

Толпа взревела и затопала ногами. Калар услышал, как побежденный рыцарь просит пощады. Победитель повернулся спиной к нему, подняв меч и принимая одобрительный рев толпы. Победенный опустил голову, признавая поражение. Из его раны лилось много крови, но она была не смертельной.

С нечеловеческой скоростью победитель внезапно крутнулся на месте, сверкнув клинком. Беззащитный рыцарь был обезглавлен, из обрубка его шеи ударил фонтан крови. Голова покатилась по полу арены, остановившись у нижней ступени. На посеревшем лице застыло изумление. Безголовый труп еще мгновение стоял прямо, истекая струями крови, потом рухнул вперед и застыл. Кровь продолжала хлестать из тела, наполняя канавки в полу арены. Толпа ревела, приветствуя победителя.

Скорость и жестокость бесчестного удара на мгновение отвлекли внимание Калара от герцога.

Взглянув на лицо победителя дуэли, Калар ощутил, как кровь стынет в его жилах.

Это был его брат Бертелис.

XII

В глазах Калара отразился ужас.

Бертелис стоял в круге арены, покрытый кровью. Его лицо было болезненно бледным, а на синеватых губах кривилась жестокая усмешка. Он опустился на колени перед Меровехом.

- В вашу честь, мой лорд, - сказал Бертелис голосом, от которого волосы на затылке Калара встали дыбом. Это был голос его брата - и одновременно нет, полный горечи и жестокости.

Меровех возложил руку на голову Бертелиса, словно в некоем темном благословении. Спустя мгновение герцог заговорил.

- Встань, - произнес он холодным и бесстрастным голосом.

Калар застыл на месте, глядя на своего брата.

Герцог расстегнул одну из своих изысканных кожаных перчаток, и снял ее, обнажив руку, белую, словно первый снег. Из ножен на бедре он вынул тонкий кинжал и, положив клинок в ладонь, сжал его пальцами и ровным движением выдернул кинжал из руки. Его кровь ярко блестела на клинке.

Спрятав кинжал, Меровех щелкнул пальцами, и ему поднесли кубок вина. Подняв свою бледную руку над кубком, герцог сжал ее в кулак, чтобы кровь стекала в вино. Когда кровь перестала течь, Меровех передал кубок Бертелису, который принял его с голодным взглядом.

- Весь Музильон чувствует тебя, Бертелис, чемпион из чемпионов, - сказал Меровех.

Бертелис высоко воздел кубок, а потом выпил его содержимое. Он вздрогнул от удовольствия, его глаза были полузакрыты, когда он оторвал кубок от губ.

Калар издал стон ужаса, видя, как его брат пьет вино, смешанное с кровью. Это зрелище потрясло его до глубины души. Бертелис вытер рубиновую каплю с уголка рта. Герцог Меровех спустился в центр дуэльной арены. Он двигался с львиной грацией.

Бертелис всегда был высоким, на полголовы выше даже Калара, но Меровех возвышался и над ним. Повернувшись на месте, герцог оглядел собравшихся рыцарей. Его белое лицо и волосы резко выделялись на фоне черных доспехов, а красные глаза сверкали в свете факелов, как у волка. Разговоры в зале прекратились, и все собравшиеся подошли ближе к дуэльной арене, чтобы лучше слышать слова их повелителя.

- Сегодня знаменательная ночь, братья мои, - произнес Меровех, и его голос разносился по огромному залу. Герцог начал шагать по кругу арены, словно зверь в клетке. - Сегодня начнется рассвет новой эры в истории Музильона. Когда-то наше герцогство было самым могущественным во всей Бретонии. А теперь мы получили шанс вернуть былую славу - вы и я.

Калар почувствовал, что его так захватила речь Меровеха, что он был не в силах оторвать взгляд от герцога.

- Семьсот лет я спал, - продолжал Меровех. - И когда проснулся, то увидел, что Музильон стал лишь бледной тенью своего славного прошлого. Его оскверняют паразиты, его земли захватили соседи, и само его имя стало символом краха и отчаяния. Но теперь я вернулся. Теперь Музильон вновь вознесется к славе. И вы, братья мои, вознесетесь вместе с ним.

Меровех вернулся в центр арены и остановился. Калар чувствовал, как собравшихся охватывает неистовое восхищение.

- Каждый из вас проявил себя достойным, - сказал Меровех. - И теперь я дарю вам величайший дар из всех, что вы когда-либо получали. Сегодня вы станете словно боги среди людей, и вместе мы вернем то, что по праву принадлежит нам. Вся Бретония падет на колени перед нами, и ее земли станут красными от крови.

Словно по сигналу раздался скрежет древних механизмов, и купол дворца над головами собравшихся начал раскрываться, словно лепестки черной розы под полуночным небом. Тучи в небе разошлись, и серебристый свет Маннслиба наполнил обширный зал. В толпе зрителей послышались изумленные вздохи, но удивлялись они не механическому чуду и не свету серебристой луны. Нет, эти вздохи изумления предназначались второй луне: Моррслиб, сиявший колдовским зеленым светом, взирал на собравшихся, словно злобное око.

Меровех стоял, воздев руки к небесам, купаясь в зловещем изумрудном сиянии Моррслиба.

- Время пришло! - воскликнул герцог. - Приведите пленника!

Пленника, закованного в тяжелые заколдованные цепи и окруженного стражниками, тащили по залам дворца, выведя его из темницы глубоко в подземелье. Он ревел в дикой ярости, и оглушительное эхо его рева разносилось по нижним этажам. Его массивное тело являло собой массу ожогов, страшных шрамов и синяков - заслуга лучших пыточных мастеров герцога. Более двух десятков мускулистых тюремщиков с усилиями тянули толстые цепи, чтобы заставить пленника двигаться. Тюремщики носили на головах черные кожаные капюшоны, а сопровождали их дворцовые стражники - безмолвные, давно мертвые воины в черных пластинчатых доспехах.

Их атаковали из засады с сокрушительной силой и быстротой. Бой произошел на полпути по широкой мраморной лестнице, нападавшие набросились на охрану пленника одновременно сверху и снизу. Схватка была кровавой и жестокой, и за тридцать секунд завершилась. Пленник сам растерзал полдюжины своих тюремщиков, с бешеной яростью разрывая их на куски в фонтанах крови.

Дедушка Мортис осторожно подошел к пленнику, успокаивающе подняв руки, как человек приближался бы к раненому медведю. Когда Мортис посмотрел на истерзанную палачами плоть своего господина, его взгляд преисполнился жалости.

Шепча успокаивающие слова, Мортис мягко положил руку на огромное мускулистое плечо пленника. Тот с рыком резко повернул тяжелую голову, и Мортис отпрянул назад. Рык перешел в низкое глухое ворчание глубоко в груди, и Мортис снова положил руку на плечо пленника. На этот раз пленник принял его прикосновение.

- Все закончилось, - успокаивающе произнес Дедушка Мортис. - Все закончилось.

- Нет, - прорычал пленник, с трудом произнося слова. Его пасть была предназначена для того, чтобы кусать и разрывать, а не говорить. - Пришло время мести!

Калар увидел, что на порочном бледном лице Бертелиса отразилось то же предвкусение, что и у всех зрителей. Бертелис усмехнулся, оскалив клыки, острые словно иглы.

- Благословенная Владычица... - выдохнул Калар.

Словно услышав его слова, Бертелис резко повернулся. Мгновение его взгляд скользил с одного лица на другое, в поисках того, кто произнес эти слова, и наконец остановился на Каларе. Улыбка Бертелиса стала шире, он негромко рассмеялся. Не спеша достал он меч и пошел навстречу Калару. Рыцари и дамы, стоявшие вокруг Калара, отодвинулись от него, оставив его в одиночестве.

- Привет, Калар, - сказал Бертелис. - Какой приятный сюрприз.

- Что он сделал с тобой, брат? - спросил Калар.

- Ничего такого, чего бы я не желал, - ответил Бертелис с усмешкой, лениво потягиваясь, словно кот. - И знаешь, ощущения просто фантастические.

- Заканчивай скорее, - прошипел Меровех. - Время Соединения близится.

- Как давно я ждал этого, брат, - Бертелис поднял меч и целеустремленно двинулся к Калару по арене.

Калар неохотно извлек из ножен фамильный Меч Гарамона и шагнул вперед. Сняв со спины свой побитый щит, он закрепил его на левой руке.

- Так не должно было быть, брат, - сказал он.

- О, нет, - ответил Бертелис. - Именно так все и должно было быть.

Бертелис атаковал с такой яростью и скоростью, что Калару сразу же пришлось сражаться изо всех сил, отчаянно защищаясь, пока на него неистово обрушивались удар за ударом. С самого начала понадобилась вся его сосредоточенность, все фехтовальное искусство и весь многолетний боевой опыт, чтобы просто выжить в первые моменты схватки. Сила и свирепость каждого удара была такова, что Калара отбрасывало назад каждый раз, когда его меч встречался с клинком Бертелиса.

У Калара не было возможности даже помыслить о контратаке, а его левая рука онемела от сильнейших ударов по щиту. Он делал все что мог, чтобы уклониться от яростных атак Бертелиса, уходя с линии удара и отступая в попытке сохранить какое-то расстояние между собой и противником. Бертелис неумолимо продолжал атаковать, его меч снова и снова сверкал, подобно молнии, рассекая воздух. Если бы любой из этих ударов достиг цели, то стал бы смертельным.

Калар знал, что сейчас он несравненно лучший боец, чем был шесть лет назад, когда только принял клятву Поиска. Долгие годы в пути закалили его тело и душу, выковали его заново и отточили его боевые инстинкты до бритвенной остроты. Он был сильнее, гибче и быстрее, чем когда-либо, и был достаточно уверен в своей способности противостоять в бою любому человеку. Но сейчас он лишь с трудом выдерживал темп боя, который задавал Бертелис, и еще труднее было противостоять той невероятной силе и ярости, которой обладал сейчас его брат.

Калар и Бертелис тренировались вместе с детства, их обоих учил Гюнтер, старый мастер фехтования из Гарамона. В учебных поединках они были примерно равны, хотя было очевидно, что Бертелис более одарен из них двоих. Он был прирожденным фехтовальщиком, обладая превосходной силой, равновесием, скоростью и инстинктом. Однако Бертелис всегда слишком полагался на свои природные таланты, и в юности был довольно нерадивым учеником, заслужив немало суровых слов от Гюнтера. Калар, напротив, очень упорно работал над своим навыком фехтования, вставая на несколько часов

раньше остальных обитателей замка, чтобы отточить боевые приемы и укрепить тело. Только после смерти Гюнтера Бертелис стал относиться к обучению с большей серьезностью, тренируясь с упорством, граничившим с одержимостью. И лишь тогда стал проявляться его истинный потенциал.

Теперь было ясно, что Бертелис далеко превзошел тогдашние ожидания, и поднял свой навык на абсолютно новый уровень, достигнув такой степени мастерства, с которой Калар не надеялся сравниться - и еще меньше надеялся соперничать. Искусство фехтования Бертелиса граничило со сверхчеловеческим, и Калар предполагал, что лишь очень немногие - разве что рыцарь Грааля Реол, упокой Владычица его душу - могли бы сравниться с ним. Быстрота клинка Бертелиса была несравненной, и Калару редко доводилось скрещивать мечи с тем, кто мог бить с такой силой. Было просто потрясающе, насколько далеко фехтовальное искусство Бертелиса продвинулось за эти шесть лет. Калар чувствовал себя словно ребенок, пытающийся сражаться с мастером.

Клинок с грохотом ударил по щиту, деформируя его, и Калар поморщился. Он направил выпад в шею Бертелиса, но тот отбил его с презрительной легкостью. Усмехнувшись, Бертелис шагнул назад, на мгновение позволив Калару перевести дыхание. Калар понял, что его брат сейчас играет с ним, как играл с предыдущим противником.

- А ты обленился, - сказал Бертелис.

- Сверни с этого пути, Бертелис, - произнес Калар. - Он приведет тебя лишь к проклятию.

- Ты толкнул меня на этот путь, брат, - ответил Бертелис. - Ты отвернулся от меня!

- И я воистину сожалею об этом, - сказал Калар. - Мои слова были сказаны необдуманно. Я был ослеплен горем. Я не имел в виду то, что сказал.

- Поздно извиняться, - усмехнулся Бертелис.

И Калар знал, что он говорит правду. В глазах его брата горело безумие, которого Калар никогда раньше не видел - кипящая, ненасытная ярость, угрожавшая пожрать его. Словно некий дикий зверь сидел внутри Бертелиса, управляя его движениями, как марионеткой.

- Ты больше не тот мой брат, которого я знал и любил, - произнес Калар. Его дыхание вырывалось резкими вздохами от невероятно напряженного боя. Но Бертелис казался ничуть не уставшим, и едва вспотел.

- Не тот, - согласился Бертелис. - Теперь я - нечто гораздо большее.

- Хватит! - прошипел Меровех с края арены. - Прикончи его, сейчас же!

Взгляд Калара мелькнул между дьяволом, который был когда-то его братом, и бледной фигурой герцога Меровеха. Внезапно он догадался.

- Это ты разрушил замок Гарамон, - сказал Калар, снова посмотрев на Бертелиса. - Это ты убил Орландо и Монкадаса, и перебил моих рыцарей.

- Я бы и тебя убил, - кивнул Бертелис, - если бы ты был там. Но теперь цикл будет завершен, и все связи с моей прошлой жизнью наконец-то будут разрублены.

- Ты больше даже не человек, - произнес Калар.

Бертелис улыбнулся в ответ, оскалив острые клыки.

- А ты быстро соображаешь, братец, - улыбка сошла с его лица. - А теперь ты умрешь.

Секунду братья смотрели друг на друга с разных сторон арены, и начали снова сближаться, поднимая мечи.

Оглушительный рев вдруг раздался в огромном зале с такой силой, что от него задрожали окна в рамах. Калар ощутил, как эхо звука отдается в его костях, и поднял взгляд, на мгновение забыв о поединке.

Над залом на высоте тридцати футов возвышался изогнутый балкон, и на его мраморной балюстраде сидело чудовище.

XIII

Оно было огромным, раз в шесть больше человека, и выглядело, как некая ужасная горгулья, внезапно ожившая. Его сторбленные плечи покрывала густая черная шерсть. Громадные когти оставляли в мраморе борозды, когда чудовище сжимало свои мощные руки, бугрившиеся мышцами. Оно снова взревело, поднимая голову - и рев его был глубоко волнующим на некоем инстинктивном уровне - а потом обратило свой злобный взгляд на зал внизу.

Его большая голова являла собой жуткую смесь черт человека, летучей мыши и волка. Его губы растянулись, демонстрируя ряд ужасных клыков, а в могучей груди kloкотало глухое рычание. Каждый из его клыков, выступавших из пасти, достигал в длину шести дюймов. Его глаза хищника пылали яростью и голодом, и взгляд их сосредоточился на фигуре герцога Меровеха внизу.

Чудовище взревело снова, из его пасти брызнула слюна - и бросилось вниз с балкона. Мощные мышцы ног толкнули его вниз с невероятной скоростью, а его огромные когтистые руки вытянулись вперед, развернув жилистые складки кожи от запястья до бедра, похожие на рудиментарные крылья.

Оно метнулось вниз, словно чудовищная хищная птица, бросающаяся на добычу, и по всему залу раздались крики и вопли. Калар услышал лязг оружия, крики боли и ужаса, и разглядел сквозь густую толпу силуэты покрытых грязью «детей» Дедушки Мортиса, с воем бросившихся в атаку.словно взбесившаяся стая зверей, они накинлись на толпу в зале, и воцарился хаос.

Герцог Меровех бросился в сторону, уворачиваясь от атаки чудовища, и оно врезалось в пол с сокрушительной силой, отчего по мраморной поверхности от удара пошли трещины. Меровех ловко перекатился и вскочил на ноги, держа в каждой руке по мечу.

Толпа зрителей в панике бросилась на арену, разделив Калара и Бертелиса. Калар увидел, что его брат с маской ярости на лице пробивается к нему сквозь толпу. Какой-то рыцарь врезался в Калара, отбросив его на шаг назад, и сильный удар выбил из руки Меч Гарамона. Старинный клинок с лязгом упал на пол под ноги бегущих.

Калар, выругавшись, бросился за мечом. Кто-то споткнулся о него и упал, растянувшись. Несмотря на толчки и пинки, Калар не спускал глаз со священного меча. Наконец, он дотянулся до клинка Гарамона, его пальцы прикоснулись к рукояти, но под ногами охваченных паникой людей меч снова был отброшен в сторону, и на этот раз его не было видно в гуще толпы. Оглянувшись через плечо, Калар увидел, что Бертелис пробивается к нему, рубя рыцарей, дам и одичавших крестьян, оказавшихся у него на пути. Калар снова выругался.

Вскочив на ноги, Калар сорвал с левой руки щит, и, отбросив его, выхватил из ножен на спине полуторный меч.

Если бы он на долю секунды опоздал, то был бы мертв. Он едва успел заблокировать удар Бертелиса, направленный ему в шею. От удара его отбросило на шаг назад, и Бертелис шагнул за ним, оказавшись в пределах досягаемости его более длинного меча.

Бертелис далеко превосходил его, и они оба знали это. Уверенный, что Калар не сможет сравниться с ним, Бертелис теперь сражался не столь неистово, и даже начал проявлять небрежность. Калар вскипел гневом; он намеревался наказать Бертелиса за такое высокомерие, но знал, что у него может быть только один шанс.

Они обменялись еще несколькими ударами, и Бертелис сделал выпад. Калар ловко уклонился, повернувшись, и клинок его брата прошел на волосок от его горла. Зарывав от усилия, Калар ударил тяжелой рукоятью меча по виску Бертелиса, вложив в удар всю тяжесть своего тела в доспехах.

Удар был отлично рассчитан и проведен, и должен был бы проломить череп. От удара голова Бертелиса мотнулась назад, но он не упал. Калар использовал выигранную секунду, чтобы вернуться в положение изготовления к бою, подняв меч и нацелив острие на Бертелиса.

По виску Бертелиса потекла струйка крови, но в остальном, казалось, что удар никак не подействовал на него. Прикоснувшись к ране, Бертелис слизал кровь с пальцев.

- За это твоя смерть будет болезненной, - произнес он.

Калар сделал выпад, и Бертелис уклонился. Повернувшись, Калар поднял меч и провел мощный диагональный удар сверху вниз. Бертелис парировал его и, поднырнув под клинок, внезапно схватил Калара за горло. Он двигался так быстро, что казался размытой тенью, сжав горло Калара железной хваткой, и его оскаленное лицо оказалось совсем рядом. Так близко он казался едва похожим на человека, его глаза горели неизмеримым голодом и безумием, кожа была почти прозрачной, а искаженное лицо преисполнено зверской жестокости.

- Кровь Орландо была такой сладкой, такой невинной, - прошипел он. - Она была словно нектар на моих губах, вкуснее, чем лучшее вино.

Бертелис поднял Калара, держа его за горло одной рукой, и отшвырнул прочь, словно ребенка. Калар врезался в одного из рыцарей Меровеха, опрокинув его, и они вместе рухнули на пол. Калар вскочил первым, и когда рыцарь набросился на него, с силой ударил локтем в лицо, мгновенно свалив его.

Калар подхватил с пола меч, но сапог Бертелиса наступил на клинок, сломав его пополам, и Калар откатился назад.

Один из рыцарей бросился на него с мечом. Калар уклонился, избежав смертельного удара, и всадил обломок своего меча в лицо рыцаря. Тот рухнул с придушенным криком. Другой рыцарь атаковал Калара сзади. Увернувшись, Калар схватил противника за руку, заставив его потерять равновесие, и толкнул его в сторону Бертелиса.

Не моргнув, Бертелис пронзил рыцаря насквозь, острие клинка вышло из спины несчастного. Выдернув из тела рыцаря меч, Бертелис отшвырнул труп в сторону.

Калар воспользовался этим мгновением, чтобы оглядеться и оценить обстановку. Атака одичавших

крестьян Мортиса застала рыцарей врасплох, но они упорно отбивались, собираясь в небольшие группы, и поддерживая друг друга. Обе стороны несли тяжелые потери. На полу зала валялось множество трупов, и многие одичавшие крестьяне бросились пожирать мертвечину, не в силах сдержать голод при виде такого количества крови.

Калар увидел Мортиса, стоявшего на балконе, откуда прыгнуло чудовище, и наблюдавшего за творившимся в зале хаосом.

Огромный зверь и герцог Меровех сражались на возвышении, где сидели на тронах пять статуй, отдельно от хаотичного боя в зале.

Чудовище истекало кровью из десятка ран, но, казалось, эти раны совсем не замедляли его. Меровех кружился и вертелся как дервиш, уворачиваясь от ударов, которые разорвали бы его надвое, два меча герцога сверкали словно молнии. Он двигался со сверхъестественной скоростью, но чудовище, с которым он сражался, было почти столь же быстрым, несмотря на свои огромные размеры. Калар увидел, что монстр скользящим ударом все же задел Меровеха, и герцог, пролетев по платформе, словно тряпичная кукла, со страшной силой врезался в центральный алтарь с большой темной чашей.

Чудовище победно взревело и бросилось за ним, но Меровех быстро перекатился, избежав удара огромных когтей, похожих на клинки. Когда герцог вскочил на ноги, оба его клинка прочертили кровавые борозды по массивной груди зверя, и чудовище зашипело от боли.

Используя огромную лапу зверя как лестницу, Меровех легко подпрыгнул и вскочил на тело противника, повернув оба меча в руках так, что их острия были направлены вниз, как у кинжалов. Оттолкнувшись ногами от груди чудовища, герцог перекувырнулся в воздухе и всадил оба меча в шею врага.

Чудовище взревело. Оба клинка вонзились в его плоть по рукояти, и Калар видел, что их острия торчат сзади из шеи. Дотянувшись до мечей, монстр вырвал оба клинка и отшвырнул их, из ран хлынула кровь. Такой удар должен был оказаться смертельным, но чудовище лишь встряхнуло головой и, встав на четыре лапы, метнулось к герцогу Меровеху, оставшемуся без оружия.

- Твой повелитель сейчас умрет, - сказал Калар Бертелису.

- Думаю, нет, - ответил его брат. - Деградивавший варгульф не сравнится с ним.

Бертелис атаковал, выполнив ложный выпад сверху, а снизу нанес мощный удар, направленный, чтобы выпотрошить Калара. Заметив направление удара, Калар изменил защитную стойку, чтобы отбить его, но Бертелис мгновенно снова сменил угол атаки.

Бертелис резко повернулся на каблуке, его клинок ударил в плечо Калара, попав под наплечник. Удар пробил кольчугу и поддоспешник, а острие глубоко вонзилось в мышцы и достигло кости.

Едва Калар успел вскрикнуть, как Бертелис крутнулся обратно и снова всадил клинок в его тело. Острие вошло в мышцы бедра, попав в узкую щель под кирасой.

Калар задохнулся от боли, упав на одно колено, и обломок меча выпал из его рук. Бертелис возвышался над ним с окровавленным клинком.

- Прощай, брат, - произнес Бертелис, занося меч для смертельного удара.

Вдруг из толпы вырвался рыцарь, держа в каждой руке по мечу и крича во всю силу легких.

- Калар! - закричал Рабен, бросив ему один из мечей.

Калар поймал меч, его пальцы сомкнулись вокруг знакомой рукояти.

Рабен нанес удар Бертелису, держа меч двумя руками. Повернувшись, Бертелис блокировал удар одним из своих клинков и, упав на одно колено, рубанул слева направо по животу Рабена, рассекая его кольчугу и мышцы под ней. Вскочив, Бертелис ударом ноги отбросил рыцаря-изгнанника.

С рычанием Бертелис повернулся к Калару, но его глаза изумленно расширились, когда в его тело вонзился Меч Гарамона.

Калар был уже на ногах, и, зарывав от усилия, всадил меч еще глубже в тело Бертелиса.

Кровь хлынула из смертельной раны, а лицо Бертелиса становилось все более исхудавшим, словно вся влага была выпита из его тела. Черты лица по мере высыхания теряли человеческий облик, и все больше напоминали череп, полупрозрачная кожа вяла и сохла, губы ссыхались, обнажая страшные клыки. Калар шагнул назад, выдернув клинок, на лице его отразилось отвращение.

Меч Гарамона сиял аурой белого света, и Калар удивленно посмотрел на него. Кровь Бертелиса испарилась с меча, оставив клинок безупречно чистым. Мерцающее сияние было похоже на солнечный свет, и, несмотря на творившуюся вокруг бойню, Калар ощутил, как его наполняет спокойствие и уверенность.

Бертелис упал на колени, прямо в натекшую под ним лужу крови. Его кожа продолжала сохнуть, обтягивая череп, пока лицо окончательно не утратило человеческий облик. Руки иссохли до того, что стали похожи на птичьи лапы с когтями, на которых резко проступили синие и фиолетовые вены. Бертелис посмотрел на Калара. В глазах его горела ярость и ненависть, но был в них и страх. Он зашипел, оскалив клыки, словно загнанный в угол зверь.

Свечение, исходившее от меча в руках Калара, усилилось, теперь меч пылал чистым горячим светом, и кожа Бертелиса начала чернеть и покрываться пузырями. Он поднял руки, закрывая глаза - и руки тоже начали гореть. Из глотки его вырвался жалобный вой.

- Владычица, даруй ему покой, - прошептал Калар, сжимая Меч Гарамона обеими руками. Не раздумывая, он шагнул вперед и одним ударом обезглавил существо, которое когда-то было Бертелисом.

Рабен лежал поблизости на полу, держась за живот. Встретившись взглядом с Каларом, рыцарь-изгнанник криво усмехнулся.

- Спасибо, - сказал Калар.

Рабен хмыкнул.

- Это был твой брат? - спросил он, кивнув на труп Бертелиса.

- Нет, - ответил Калар. - Мой брат давно умер.

Раздавшийся рев боли и ярости привлек взгляд Калара к платформе со статуями. Огромный отвратительный зверь, которого Бертелис назвал варгульфом, лежал в луже крови. Его плоть была вся изрублена и изорвана, свисая кровавыми клочьями.

Герцог Меровех стоял перед ним с мечом в руках. Он тоже был ранен. Один из его наплечников был сорван, плечо под ним покрыто запекшейся кровью. Кирасу на груди прорезали четыре кровавых борозды. Как бы то ни было, Меровех оказался победителем, и Калар изумленно покачал головой. Неужели ничто не способно убить его?

Варгульф подобрал могучие лапы, готовясь к последнему прыжку, но Меровех не дал ему такого шанса. Отбросив меч, герцог прыгнул на врага, издав дикий крик, от которого кровь стыла в жилах. С ревом схватив огромное чудовище за голову, Меровех запрокинул ее, добравшись до горла врага.

Сверкнули клыки, и Меровех впился в горло варгульфа. Чудовище пыталось отбиваться, но его силы были уже на исходе. Несколько долгих секунд Меровех пил кровь, насыщаясь, прежде чем оторваться. Рот и подбородок герцога были измазаны кровью.

Меровех потянул огромную тушу варгульфа по платформе и подтащил ее к алтарю. Одной рукой герцог взял с алтаря чашу и поднял взгляд к небесам. Моррслиб теперь затмевал Маннслиб, словно страшный горящий зрачок в серебристой радужной оболочке. Явно удовлетворенный, Меровех снова вцепился в шею варгульфа. На этот раз он не пил кровь, а рвал плоть клыками. Из разорванного горла хлынула последняя кровь.

Дедушка Мортис пошатнулся, вцепившись в перила балкона, когда увидел, что его обожаемый повелитель мертв. Его «детей» истребляли внизу, их воля к борьбе испарилась, когда они тоже заметили, что их господина больше нет.

Шатаясь, Мортис отвел глаза от тошнотворного зрелища того, как Меровех осквернял тело его повелителя. Издав глубокий вздох, старик отвернулся.

И тут удар тяжелой шипастой дубины раздробил его коленную чашечку, и Мортис рухнул на пол с криком боли и ужаса.

Над ним стоял Клод, и старик воззрился на него.

- Пятнадцать лет я был твоим рабом, одним из твоих проклятых «детей», - сказал Клод. - Больше я им не буду.

Горбатый крестьянин плюнул в лицо Мортису, и старик поморщился. Это лишь еще больше разозлило Клода, он ударил шипастой дубиной в бок Мортиса. Ребра хрустнули, словно сухие ветки.

- Пятнадцать лет я воровал и убивал для тебя, старый мерзавец, - прошипел Клод. - Пятнадцать лет ты морил меня голодом. Сколько раз мне доводилось отведать твоего хлыста? Сколько костей ты мне сломал? Сколько шрамов оставил?

Он снова замахнулся на Мортиса дубиной. Старик отпрянул, его лицо исказилось от боли.

- У кого теперь сила? - спросил Клод.

- Я приютил тебя, неблагодарная тварь! - прошипел Мортис сквозь зубы. - Я кормил тебя! Я одевал тебя! Я! Без меня ты был бы мертв! Был бы ничем! Я сделал тебя тем, кто ты есть!

- Ага, ты это сделал, - сказал Клод. - Ну и как, нравится тебе то, что ты видишь?

Клод снова и снова бил его шипастой дубиной, и как ни вопил Мортис, никто не пришел ему на помощь.

Клод продолжал избивать его, даже когда Мортис прекратил кричать, даже когда его тела было уже не узнать.

Наконец Клод остановился. Он тяжело дышал, а по его лицу текли слезы. Он был забрызган кровью, к шипам его дубины прилипли клочья кожи и волосы.

Он плюнул на останки Дедушки Мортиса и отвернулся.

Калар опустился на колени рядом с Рабеном и осторожно отодвинул руку изгнанника, чтобы взглянуть на его рану.

- Как оно? - спросил Рабен. Его лицо было бледным.

- Царапина, - ответил Калар. - Через неделю ты снова сможешь валяться с девками, помяни мое слово.

- Врешь, - прохрипел Рабен, криво усмехнувшись.

- Ты выживешь, - сказал Калар более серьезно. - Хотя у тебя останется чертовски страшный шрам под пару тому, - он указал на старый рваный шрам, пересекавший горло Рабена.

- Дамочки не любят слишком хорошеньких, - ухмыльнулся Рабен.

- Ну, ты точно не такой, - сказал Калар, настороженно оглядываясь вокруг.

В зале лишь немногие остались в живых. Похоже, обе стороны практически перебили друг друга. Хотя, судя по всему, людей Мортиса погибло куда больше, чем людей Меровеха.

Обернувшись к платформе, Калар увидел, что Меровех наполнил чашу кровью варгульфа. Опустив на пол огромную голову чудовища, герцог-вампир подошел к первой из статуй на тронах. Он поднял чашу над головой статуи и слегка наклонил ее, чтобы струйка пенящейся крови потекла на голову. Красные ручейки полились по лицу статуи, смывая многовековую пыль и грязь. Сердце Калара дрогнуло, когда он увидел, что статуя начала двигаться.

Она повернулась лицом к струе крови и открыла рот, показав длинные клыки. Ее язык слизывал кровь, и Калар заметил, что горло статуи шевелится, проглатывая выпитую кровь.

- Не нравится мне это, - произнес Рабен.

Меровех выпрямил чашу, кровь перестала литься, и существо на троне вернулось в прежнее положение. Герцог перешел к следующей статуе, но взгляд Калара был прикован к первой. Ее глаза открылись, и она улыбнулась.

Калар сделал несколько шагов к возвышению с тронами. Он знал, что в бою против Меровеха у него мало шансов, даже если герцог был бы один, без пробужденных им союзников. Но Калар поклялся свершить возмездие, и он убьет Меровеха - или умрет.

- Калар, - позвал его Рабен, и Калар оглянулся. - Не выбрасывай зря свою жизнь.

- Я должен кое-что сделать, - сказал Калар, и снова повернулся к возвышению, но замер, когда чудесный свет, излучаемый клинком Гарамона, вдруг потускнел, а потом совсем погас. Калар остановился, глядя на свое оружие.

Что это значит? Владычица не одобряет его действия? Но как это возможно? Разве не Она направила его сюда?

Уже три «статуи» пробудились и встали на ноги, моргая и потягиваясь, словно люди, проснувшиеся после глубокого сна. Каждый из оживших воинов был таким же высоким, как сам Меровех, и все они были облачены в похожие шипастые доспехи.

Калар стоял, охваченный нерешительностью.

- Владычица, дай мне знак, - прошептал он. - Покажи мне, какую твою волю я должен исполнить.

Ослепительная вспышка взорвалась в разуме Калара, он упал на колени, зажмурив глаза. Задыхнувшись от обжигающей боли в висках, он схватился за голову.

Безумный вихрь видений ошеломляющей яркости и силы промелькнул в его разуме.

Спустя мгновение все кончилось, боль ушла, словно ее никогда не было, но увиденные образы навсегда отпечатались в его памяти.

- Твоя воля, Владычица, да будет исполнена, - прошептал Калар.

- Калар? - позвал Рабен, поворачиваясь к нему.

- Мы должны уходить, - сказал Калар, повернувшись спиной к платформе, где ожили все пять вампиров-чемпионов Меровеха.

Калар поспешил к Рабену.

- Надо уходить, - сказал он снова.

- Звучит разумно, - кивнул Рабен.

- Опирайся на меня, - сказал Калар и помог Рабену встать на ноги. Рыцарь-изгнанник застонал от боли, но не вскрикнул. Вместе они, шатаясь, направились по полу, усеянному трупами, к выходу из зала. Немногие из выживших рыцарей Меровеха не обратили на них внимания, изумленно глядя на герцога и его чудесно оживших помощников.

У дверей зала Калар и Рабен оглянулись.

Зал являл собой сцену сплошной бойни. Сотни тел усеивали мраморный пол. Многие еще не умерли, и то тут, то там было заметно движение. Крики и стоны умирающих были ужасны. Кровь забрызгала стены, и многие трупы были частично съедены. Мертвое тело чудовищного варгульфа неподвижно лежало на платформе у алтаря. Меровех спустился по ступеням платформы, сопровождаемый пятью своими чемпионами, которые служили ему семьсот лет назад.

Немногие уцелевшие рыцари в зале опустили на колени перед Меровехом. Но герцог прошел мимо, едва взглянув на них. Его спутники, однако, окружили выживших, словно волки овец. Как один, вампиры набросились на людей и стали пить их кровь.

Меровех опустился на одно колено у обезглавленного тела Бертелиса, и Калару показалось, что на лице герцога-вампира промелькнуло нечто, похожее на скорбь.

Меровех поднял голову и посмотрел через весь зал прямо на Калара. Встав, герцог направился к ним.

- Надо уходить, - сказал Рабен.

Калар кивнул, и, поддерживая изгнанника, вышел из зала.

Они едва не столкнулись с Клодом, спускавшимся по широким ступеням. С ног до головы крестьянин был запачкан кровью.

Никто не произнес ни слова, и спустя мгновение Клод подошел помочь хозяину вести Рабена. Рыцарь-изгнанник оперся рукой на его плечо, и они втроем поспешили из герцогского дворца Музильона.

- О боги, крестьянин, - сказал Калар, - ну и воняет же от тебя.

Обескровленный труп бесцеремонно швырнули на пол. Кожа вампира порозовела, его рот и подбородок были запачканы запекшейся кровью.

В огромном зале не осталось ничего живого. Каждый труп был выжат досуха, чтобы утолить жажду пробудившихся чемпионов герцога.

Но Меровех знал, что это ненадолго.

Спустя час первый из обескровленных рыцарей зашевелился и встал на ноги, шатаясь, словно новорожденный жеребенок. В его глазах клубилась тьма, а в оскаленном рту были видны выросшие клыки. Другие рыцари зашевелились, пробуждаясь во тьме, и Меровех улыбнулся.

- Добро пожаловать, братья, - произнес он, простирая руки. - Добро пожаловать в проклятье.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рыцарь_в_поиске/_Questing_Knight_\(повесть\)&oldid=9479](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рыцарь_в_поиске/_Questing_Knight_(повесть)&oldid=9479)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 13:42.